

ности шляхта, среди которой онъ долженъ былъ вращаться, воскрешали въ немъ воспоминанія дѣтства, и космополитъ, сохраняя пріобрѣтенное за границей, становился сыномъ своей земли. Изъ такихъ-то людей, которые одинаково могли бесѣдовать и понимать другъ друга и съ заграничными послами, и сърой шляхтой, состоялъ при Сигизмундѣ III и его сыновьяхъ и сенатъ, за малыми исключеніями.

Альбрехтъ Станиславъ Радзивиллъ—можно сказать—былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ представителей европейской и польской цивилизаціи. Не такъ блистательно и ярко выступающій на видъ, какъ Оссолинскій, онъ не уступалъ ему, однако, ни въ значеніи, ни въ важности, и даже во многихъ случаяхъ этотъ довѣренный министръ Владислава, который, казалось, оказывалъ сильное вліяніе на его политику, долженъ былъ уступить и покориться Альбрехту Радзивиллу. Въ минуту критическаго перелома, когда дѣло шло о возможной войнѣ съ Турціей, быть можетъ, одному Альбрехту Радзивиллу было обязано государство, что онъ не допустилъ взрыва. Онъ удержалъ сначала Оссолинскаго, а потомъ и самого короля. Владиславъ IV могъ питать къ нему вражду, но никогда не высказывалъ этого, а самое значеніе литовскаго канцлера, въ минуту смерти короля, указывало ему путь, какимъ онъ долженъ былъ идти во время междоусобицы. Обширныя владѣнія его, какія онъ имѣлъ на Волыни и на Руси, въ началѣ междоусобицы войны съ казаками причинили ему огромныя потери. Несмотря на это, канцлеръ со стоическимъ спокойствіемъ смотрѣлъ на нихъ, готовый, какъ онъ самъ сказалъ, все до послѣдней рубашки отдать на защиту отечества. Ни одинъ, быть можетъ, изъ тогдашнихъ сенаторовъ не обрисовывалъ такъ откровенно положенія государства, не предначертывалъ обязанностей, какія оно налагало, не признавалъ такъ ясно причинъ, вызвавшихъ хлопское возстаніе.

Послѣ постыдной пилавской катастрофы Радзивиллъ откровенно говорилъ: «Богъ запродалъ ихъ, Господь опозорилъ ихъ, гордость, чванство, притѣсненія и угнетенія несчастныхъ— вотъ кто воевалъ съ ними и рубилъ ихъ».

Никто не принималъ болѣе дѣятельнаго участія въ собираніи новыхъ силъ къ оборонѣ, въ ободреніи павшихъ духомъ;

никто не былъ готовъ къ большимъ жертвамъ для родины. Примѣръ его благотворно дѣйствовалъ на другихъ.

Во время путешествія въ Варшаву на выборный сеймъ, получивъ извѣстіе о пилавскомъ погромѣ, канцлеръ прибылъ въ Варшаву съ одной горячею мыслью—ускорить выборы, понимая очень хорошо, что казаки охотнѣе будутъ вести переговоры съ королемъ, чѣмъ съ самой, столь ненавистной имъ, Рѣчью Посполитою.

Память Сигизмунда III, которому онъ былъ обязанъ всѣмъ, такъ какъ онъ былъ первымъ опекуномъ юноши и лучше всѣхъ умѣлъ его оцѣнить, не позволяла Радзивиллу подумать даже о другомъ королѣ, какъ не объ одномъ изъ двухъ сыновей его. Ему предстоялъ выборъ между Казиміромъ и Карломъ. Невозможно сомнѣваться, что, кромѣ любви къ королевскому роду, Радзивиллъ зналъ очень хорошо характеръ, наклонности и недостатки короля шведскаго, равно какъ и князя Карла. Во многихъ отношеніяхъ послѣдній, быть можетъ, имѣлъ бы первенство въ его глазахъ; но въ эту минуту Польшѣ нуженъ былъ, если не вождь и гетманъ, то по крайней мѣрѣ человѣкъ, который могъ бы сѣсть на коня. Такимъ не былъ князь Карлъ; всѣ знали его только, какъ набожнаго епископа. Самъ чрезвычайно набожный и усердный въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, онъ долженъ былъ высоко цѣнить епископа, но и Казиміръ былъ не менѣе религіозенъ и во многихъ отношеніяхъ казался болѣе способнымъ быть королемъ.

Итакъ, Радзивиллъ ѣхалъ въ Варшаву съ выработавшимся уже убѣжденіемъ, что его слѣдуетъ поддерживать, а епископа упросить, чтобы онъ отказался отъ кандидатуры, не раздвигалъ голосовъ и не тормазилъ тѣмъ самымъ выборовъ. Оставалось только повидаться и посоветоваться съ королевой, которую князь Альбрехтъ привыкъ цѣнить, и о значеніи и вліяніи которой зналъ лучше другихъ. Съ первой встрѣчи на польской землѣ подъ Гданскомъ Маріи Людвиги, Радзивиллъ, который принималъ ее здѣсь и сопровождалъ до Варшавы, имѣлъ случай сблизиться съ нею, снискать ея довѣріе и завязать болѣе близкія отношенія. И онъ, и вторая жена, урожденная Любомірская, стояли ближе всѣхъ къ Маріи Людвикѣ. Немедленно по своемъ прибытіи въ Варшаву, даже прежде, чѣмъ

поспѣшить къ Яну Казимиру, канцлеръ поѣхалъ къ королевѣ, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его. Ему одному, быть можетъ, она могла открыться.

Когда ей доложили о приходѣ канцлера, королева сейчасъ же поспѣшила ему навстрѣчу, не зовя съ собою никого, ни ксендза де-Флери, ни одной изъ своихъ фрейлинь. Слезы полились изъ ея глазъ при молчаливой встрѣчѣ. Радзивиллъ тоже былъ взволнованъ. Положеніе вдовы и вмѣстѣ съ тѣмъ страшныя неурядицы, царившія въ государствѣ, одинаково разстраивали его.

— Государыня,—началъ онъ, цѣлуя поданную руку:—все мы наказаны волей Божіей, но мы не должны сомнѣваться въ его милосердіи. Испытывая насъ, онъ посылаетъ намъ тяжелый крестъ.

Не могла выдержать Марія Людовика и дала волю своимъ жалобамъ.

— Сиротою осталась я, — сказала она: — одинокая, безъ опеки. Остаться-ли мнѣ здѣсь или возвращаться туда, гдѣ обо мнѣ забыли, порвать все, что соединяло и соединяетъ меня съ Польшей... Сама не знаю... Я ждала васъ; совѣтуйте же мнѣ.

— Прежде всего,—началъ Радзивиллъ:—надо ждать; но я не вижу, почему бы вашему величеству покидать ту страну, которая приняла васъ своею государынею. Несмотря на самое ужасное положеніе, въ какомъ находится Рѣчь Посполитая, она должна исполнить свой долгъ.

Королева избѣгала въ этомъ разговорѣ упоминанія о кандидатахъ на корону, а тѣмъ болѣе о своемъ взглядѣ на это. Но Радзивиллъ не имѣлъ причинъ скрывать своихъ убѣжденій.

— Первое дѣло теперь,—сказалъ онъ,—собрать силы къ рѣшительной защитѣ и отмщенію за полученное пораженіе; но не менѣе важно—выборъ короля...

Королева слушала съ напряженнымъ вниманіемъ.

— У насъ, увы, даже два кандидата,—продолжалъ канцлеръ:—тогда какъ для насъ самымъ желательнымъ было бы имѣть одного и тотчасъ же провозгласить. Я глубоко уважаю князя Карла,—прибавилъ онъ,—но мнѣ кажется, что едва-ли онъ могъ бы быть королемъ среди такихъ смутъ и неурядицъ.

На лицѣ Маріи Людовики, умѣющей владѣть собою, канц-

леръ не замѣтилъ ни согласія, ни противорѣчія. Казалось, она слушала его совершенно равнодушно.

Канцлеръ нѣсколько замялся.

— Я знаю всё достоинства и слабости короля шведскаго, — продолжалъ онъ, — но послѣднія я приписываю скорѣе его положенію, чѣмъ характеру. Ему ставятъ въ укоръ непостоянство, но, быть можетъ, онъ еще ни разу не былъ въ положеніи, подходящемъ къ его образу мыслей и признанію. Впрочемъ, набожный, благородный, если бы онъ даже и былъ слабымъ, то, мнѣ кажется, онъ сумѣлъ бы обнаружить свой умъ въ выборѣ хорошихъ совѣтниковъ. Онъ замолчалъ.

— Князь, — промолвила тихимъ голосомъ королева, — если вы подаете свой голосъ за короля шведскаго, то я не сомнѣваюсь, что за него будетъ большинство, однако, вамъ предстоитъ немалое затрудненіе съ княземъ Карломъ, который, какъ я слышала, твердо рѣшилъ не отказываться отъ кандидатуры. Быть можетъ, его соблазняетъ успѣхъ. Я не знаю, какъ дѣйствительно оцѣнить положеніе и силы...

— Мнѣ тоже некогда еще было испытать и разузнать все это, — сказалъ канцлеръ. — Мнѣ кажется однако, что король шведскій будетъ имѣть на своей сторонѣ больше, чѣмъ епископъ, котораго мало кто знаетъ, такъ какъ онъ никогда объ этомъ не заботился.

Наступило молчаніе. Радзивиллъ, очевидно, искалъ какого-нибудь указанія на образъ мыслей королевы, которая боялась выдать себя. При первой встрѣчѣ Радзивиллъ не смѣлъ быть слишкомъ откровеннымъ, ни слишкомъ настойчивымъ въ допросѣ; онъ не высказалъ своей мысли. По его убѣжденію, выборъ Яна Казимира долженъ былъ найти поддержку въ его бракѣ съ Маріей Людвигой. Ея энергія, твердость характера, настойчивость, постоянство — качества, которыя канцлеръ замѣтилъ въ Маріи Людвигѣ, должны были явиться на помощь слабости, шаткости короля. Радзивиллъ былъ увѣренъ, что она сумѣетъ завладѣть мужемъ и повести его по избранному пути. Планъ этотъ могъ встрѣтить препятствіе со стороны Яна Казимира, быть можетъ, даже королевы; но канцлеръ не считалъ его невозможнымъ и рассчитывалъ на эту комбинацію, которая казалась ему самой выгодной для государства.

Долго затянулись рассказы князя Радзивилла, жалобы Маріи Людвики и обоюдныя выпытыванія, которыя не повели ни къ чему, кромѣ увѣренности, что князь Альбрехтъ будетъ поддерживать короля шведскаго.

Прямо отъ королевы Радзивиллъ направился къ Яну Казимиру, который вмѣстѣ съ дворомъ собирався уже въ Непорентъ, гдѣ онъ долженъ былъ, согласно законамъ, оставаться во все время выборовъ. Князь Карлъ также собирався въ Яблонную.

Покои короля, несмотря на ранній часъ, были биткомъ набиты. Сенаторы, знатнѣйшая шляхта и, главное духовные — все наплывали и наплывали. Оживленный, разсѣянный, въ довольно хорошемъ настроеніи, король шведскій вертѣлся среди этихъ гостей, стараясь казаться равнодушнымъ, что не всегда ему удавалось. Замѣтивъ канцлера, значеніе и вліяніе котораго отлично понималъ, Казиміръ пошелъ къ нему навстрѣчу съ сіяющимъ лицомъ.

— Наконецъ-то мы васъ дождались, — воскликнулъ онъ. — Очень вамъ рады! Здравствуйте. — Не знаю, какъ кому, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, были необходимы ваши совѣты и ободреніе. Мы погибаемъ! — съ горестью воскликнулъ онъ. — Казаки бродятъ подъ Брестомъ; говорятъ, что самъ Брестъ взять, разоренъ — монастыри, монахи...

Радзивиллъ, который также получилъ это извѣстіе, но не придавалъ ему вѣры, тихо прервалъ:

— Это только слухи; а такъ какъ погромъ нашъ, и такъ уже неправдоподобный, дѣлаетъ теперь все возможнымъ въ нашихъ глазахъ, то не будемъ торопиться вѣрить всему этому; лжи много, а тревога все преувеличиваетъ.

— Дай Богъ, чтобы все это оказалось ложью, — сказалъ король, уводя съ собой Радзивилла въ сторону отъ толпы гостей.

— Князь! — быстро прошепталъ онъ, — ради Бога, я долженъ поговорить съ вами наединѣ...

— Когда? — спросилъ канцлеръ.

— Сейчасъ же, если бы можно, — отвѣчалъ Казиміръ, — самое позднее вечеромъ. Я закрою двери для всѣхъ.

Радзивиллъ отвѣтилъ только поклономъ и оба обратились

къ епископамъ, которые, только-что приѣхавъ изъ своихъ епархій, привезли самыя свѣжія извѣстія о состояніи государства. Всѣ они были согласны между собой и вызвали изъ устъ канцлера слѣдующее краснорѣчивое заключеніе:

— Грѣхи наши составляютъ ихъ силу, наша слабость — это ихъ могущество! Покаемся, ударимъ себя въ грудь! Не казаки и татары бичуютъ насъ, а Богъ, который требуетъ нашего исправленія, или грозитъ гибелью. Всѣ мы грѣшны и всѣ должны каяться.

Тихимъ шепотомъ всѣ поддакивали канцлеру, но наведенный на эту тему разговоръ не могъ долго продолжаться. Мало-по-малу, одинъ за другимъ гости начали кланяться, прощаться и расходиться. Король, которому Тизенгаузь принесъ шляпу, перчатки, шпагу и плащъ, собирався тоже съ визитомъ передъ отъѣздомъ въ Непорентъ, несмотря на слякоть.

Съ самой смерти Владислава IV, болѣе всѣхъ ею пораженный Адамъ Казановскій, который потерялъ въ немъ друга и брата, почти совсѣмъ не показывался среди людей. Его считали больнымъ, да онъ и на самомъ дѣлѣ былъ боленъ. Узы, которыя съ дѣтства соединяли другъ съ другомъ покойнаго короля и Адама Казановскаго, не могли порваться внезапно, не оставляя по себѣ кровавой и теплой раны. Никогда уже не суждено ей было зарости. Для Казановскаго Владиславъ былъ всѣмъ, былъ его жизнью, душою, всей силой, смерть эта отравила его. Женатый и привязанный къ молодой, красивой, какъ-бы для него созданной женѣ, бездѣтный, хотя и имѣавъ въ ней утѣшителя, однако ни на минуту не чувствовалъ себя утѣшеннымъ. Напрасно старалась она его разсѣять, оживить, вернуть ему желаніе жить. Казановскій впалъ въ какую-то апатію, одеревенѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось опасной болѣзнію. Онъ почти не выходилъ изъ дома, неохотно принималъ у себя, ничто, казалось, не интересовало его, а тѣ страшныя пораженія, извѣстія о которыхъ приходили чуть не каждый день, онъ принималъ такъ равнодушно, что, казалось, онъ совсѣмъ не заботился о своемъ отечествѣ и его участи. Всѣ старанія жены и семейства вывести его изъ такого состоянія были тщетны. Иногда онъ поддавался настойчивымъ просьбамъ жены, позволялъ вести себя куда-нибудь, но въ обществѣ отъ него едва

можно было добиться слова. Правда, въ своемъ роскошномъ дворцѣ онъ постоянно имѣлъ передъ глазами воспоминанія прошлаго. Все, что онъ имѣлъ, было даромъ покойника: ему Казановскій обязанъ былъ своимъ богатствомъ, значеніемъ, знаніемъ и положеніемъ. Поэтому всѣ стѣны были покрыты изображеніями триумфовъ Владислава IV, его портретами, бюстами.

На каждомъ шагу Казановскій встрѣчался съ этимъ покойникомъ, казалось, видѣлъ его передъ собой и, просыпаясь утромъ, долго не могъ придти въ себя, чтобы освоиться съ той мыслью, что его уже нѣтъ на свѣтѣ... Онъ тихо шепталъ: — Я пойду за нимъ...

Жена, быть можетъ, еще и обольщала себя надеждой, но семейство, которому доктора не могли обѣщать скорого выздоровленія больного, находилось въ величайшемъ безпокойствѣ. У Казановскаго не было потомства, а между тѣмъ онъ оставлялъ послѣ себя огромное наслѣдство, движимое и недвижимое имущество, стоимость которыхъ опредѣляли милліонами. Братъ и всѣ родные заботились о будущей участи этого наслѣдства, которымъ онъ вовсе не думалъ распорядиться, несмотря на много тонкихъ намековъ. Каждый разъ, когда какой-нибудь разговоръ касался этого, онъ равнодушно поводилъ плечами и только смотрѣлъ на жену. Догадывались, что все будетъ завѣщано неизбежно ей.

Елизавета Казановская, балованный ребенокъ богатаго рода, казалось, была создана на то, чтобы царить въ золотомъ гнѣздышкѣ королевскаго фаворита; красивая, образованная, живого темперамента, привыкшая управлять окружающими, боготворимая Елизавета съ легкостью завладѣла мужемъ старше ея, который былъ вполне ей преданъ. Кокетка, требующая отъ жизни постоянныхъ интригъ, движенія, лихорадочнаго занятія, побѣдъ, она такъ счастливо сумѣла возбудить въ мужѣ довѣріе, что онъ никогда не обнаружилъ по отношенію къ ней и тѣни подозрѣнія, предоставляя неограниченную свободу дѣйствій. Это была одна изъ молодыхъ дамъ своего времени, которыя собирали вокругъ себя особенно большой кружокъ поклонниковъ и друзей. Хотя такое кокетство замужней женщины не было согласно съ польскими обычаями и поражало болѣе серьезныхъ дамъ, однако Казановская не обращала на это вни-

манія, и такъ какъ мужу скорѣе были лестны, чѣмъ неприяты, ея побѣды, то она могла забавляться, какъ хотѣла.

Этотъ великолѣпный дворецъ, весь образъ жизни Казановскихъ при Владиславѣ IV — все содѣйствовало веселой жизни и мужа, и жены. Адамъ Казановскій, утомленный и прельщенный жизнью, какъ и она, постоянно искалъ чего-нибудь, что могло-бы хотя-бы даже искусственнымъ образомъ раздуть угасающій интересъ къ жизни.

Поэтому нигдѣ во всей Варшавѣ не было столько движенія, музыки, пѣсенъ и танцевъ, какъ здѣсь. Въ особенности иностранцы толпами наплывали сюда и не могли нахвалиться радушнымъ и роскошнымъ пріемомъ. Съ первыхъ же дней пріѣзда въ Польшу Маріи Людвики, ея грустное положеніе, преждевременное охлажденіе короля сблизили Казановскую съ королевой, которой она и сама, и черезъ мужа старалась быть полезной. Однако, эти отношенія съ королевой вмѣсто того, чтобы дѣлаться все болѣе и болѣе близкими, съ теченіемъ времени совершенно измѣнились. Для строгой и серьезной Маріи Людвики Казановская была слишкомъ легкомысленной. Нѣкоторый холодъ, затѣмъ все болѣе рѣдкія встрѣчи, которыхъ избѣгали съ обѣихъ сторонъ, довели до того, что между ней и королевой остались только церемонныя, холодныя, принужденныя отношенія.

Послѣ смерти Владислава, Казановскій, охладѣвшій, равно какъ и его жена, къ королевѣ, разъ только официалѣно встрѣтивъ ее, возвращающуюся въ Варшаву съ тѣломъ покойника, болѣе уже не видѣлись со вдовой.

Какъ прежде, такъ и теперь Казановскій не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла государства. Онъ слушалъ разговоры, зѣвалъ, иногда подергивалъ плечами, но ни въ чемъ не принималъ живого участія.

Янъ Казиміръ, тотчасъ же по возвращеніи изъ Италіи, сблизился съ Казановскимъ, который принималъ его съ уваженіемъ, но довольно холодно. Обожаемый прекраснаго пола не могъ, увидѣвъ Казановскую, остаться равнодушнымъ, точно также и прекрасная Елизавета не могла пропустить, хотя и вовсе некрасиваго короля, не постаравшись произвести на него то же впечатлѣніе, что и на другихъ.

Ничего не было легче, какъ завлечь Яна Казимира, который чувствовалъ слабость ко всѣмъ женщинамъ вообще и въ каждой изъ нихъ умѣлъ подмѣтить какую-нибудь особенную прелесть. Король былъ въ восхищеніи... Огонецъ этотъ, сначала маленькій, прекрасная Елизавета, посмѣиваясь на сторонѣ надъ Яномъ Казиміромъ, умѣла раздуть и поддерживать такъ хорошо, что король шведскій считался теперь однимъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ и могъ даже жаромъ своихъ чувствъ поспорить съ ломжинскимъ старостой Радзеевскимъ, который давно уже прославился своей безумной, отчаянной страстью къ Казановской.

Смерть Владислава, провозглашеніе кандидатуры Яна Казимира, предсказываемая ему корона разумѣется со стороны Казановской усилили радушіе и влюбленного короля снова притянули и приковали къ ней. Чѣмъ менѣе самъ Казановскій заботился о своемъ будущемъ, не мѣшаясь ни во что, и принимая короля шведскаго съ прежней холодностью и равнодушіемъ, тѣмъ болѣе она считала себя обязанной снискать расположеніе будущаго государя. Для ея быстрого взора и женскаго предчувствія не было никакого сомнѣнія, что не кто другой, какъ именно Янъ Казимиръ будетъ избранъ. Она заранѣе хотѣла пріобрѣсти его милость для своего мужа и для самой себя.

Янъ Казимиръ передъ своимъ вынужденнымъ отъѣздомъ въ Непорентъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ во дворцѣ Казановскихъ. Быть можетъ, Казановскій и косо смотрѣлъ на это, такъ какъ не любилъ его, но не противился женѣ, доказывавшей ему, что не мѣшаетъ на всякій случай снискать расположеніе короля.

Итакъ, уѣзжая изъ Варшавы, Янъ Казимиръ ѣхалъ прощаться во дворецъ Казановскихъ. Очевидно, его не ждали въ этотъ день, осенній дождь лилъ какъ изъ ведра, и погода была самая непріятная; но, когда доложили о его пріѣздѣ, мужъ и жена очутились для его встрѣчи въ передней. Съ ловкостью подалъ Янъ Казимиръ руку прекрасной Елизаветѣ, привѣтливо ему улыбавшейся.

— Меня выгоняютъ изъ Варшавы, — сказалъ онъ довольно весело. — Поэтому я хотѣлъ распрощаться со своими друзьями, къ которымъ причисляю и васъ.

Панъ Адамъ холодно поклонился.

— Кто знаетъ, съ чѣмъ я вернусь—прибавилъ онъ,—навѣрное съ гороховымъ вѣнкомъ. Государство меня не захочетъ, предпочтетъ помоложе... есть женщина...

— Ваше королевское величество думаете, — вмѣшалась Казановская, — что женщины очень любятъ молокососовъ? А мы совсѣмъ другого мнѣнія и оставляемъ цтенчиковъ старымъ бабамъ...

Янъ Казиміръ разсмѣялся.

— Я надѣюсь, — сказалъ онъ, обращаясь къ молчаливому хозяину, что во имя моего покойнаго брата и во имя расположенія вашего къ нашему семейству, а въ особенности ко мнѣ, вы употребите свое вліяніе...

Казановскій нѣсколько проницательно улыбнулся.

— Государь, — тихо сказалъ онъ, — я не имѣю, увы, ни малѣйшаго вліянія, такъ какъ никогда объ этомъ не заботился, но если бы я могъ имѣть какое нибудь... — Новый поклонъ закончилъ оборванную фразу.

— Если бы я имѣла право выѣхать, — весело вмѣшалась Казановская, — я первая провозгласила бы новаго короля.

— Карла? — шутя спросилъ Казиміръ.

— Ахъ, нѣтъ! — разсмѣялась прекрасная Елизавета. — Не зачѣмъ отнимать его у Бога, разъ онъ ужъ онъ посвятилъ себя Ему.

Изъ шутливаго тона Янъ Казиміръ перешелъ въ серьезный.

— Мнѣ подають надежду, что въ послѣднюю минуту братъ мой разсудитъ, что всѣ его старанія напрасны, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — но... я еще не вѣрю этому. Я никогда ни въ чемъ не имѣлъ счастья, и теперь, допустивъ даже, что это бремя короны падетъ на меня, то въ какія времена и въ какихъ обстоятельствахъ! Слышали Казановскій?

— Ахъ, государь, — грустно отвѣчалъ Казановскій, — цѣлый день ничего другого не слышимъ.

— Даже засмѣяться теперь страшно, — замѣтила прекрасная Елизавета, — чтобы не осудили, что холодно, равнодушно относишься къ отечеству. Ахъ, какія времена!

— Этотъ негодный Хмѣль, — началъ Янъ Казиміръ: — простираетъ свою дерзость до того, что обвиняетъ покойнаго короля въ подстрекательствѣ къ этой войнѣ!

Казановскій повелѣ плечами.

— Государь,—сказалъ онъ,—на гробъ можно безнаказанно кидать камни и грязь. Король Владиславъ не нуждается въ защитникахъ.

Между тѣмъ, въ сопровожденіи хозяевъ, Янъ Казиміръ очутился уже не въ большой пріемной залѣ, а въ малой, гдѣ сама хозяйка принимала болѣе близкихъ друзей; здѣсь, у мраморнаго камина, въ которомъ пылалъ огонь, Янъ Казиміръ нашелъ большое кресло для себя и два маленькихъ для хозяевъ. Комната эта, какъ и весь дворецъ Казановскихъ, была настоящей игрушкой, достойной королевы. Фламандскія картины и разные портреты на стѣнахъ въ причудливо рѣзныхъ рамахъ, бронза и мраморъ, на столахъ рѣзныя шкатулки изъ чернаго розоваго дерева, разукрашенныя слоновою костью, золотомъ, янтаремъ, бронзовыя клѣтки, наполненныя птицами; фламандскія портьеры съ гербами Казановскихъ, паркетъ, выложенный разноцвѣтнымъ деревомъ въ прекраснѣйшіе узоры, персидскіе ковры, тысячи бездѣлушекъ—дѣлали этотъ кабинетъ восхитительнымъ.

Довольно равнодушный къ такой роскоши, король шведскій не могъ, однако, не почувствовать красоты и прелести этого гнѣздышка и воскликнулъ, садясь:

— Какъ-же у васъ здѣсь хорошо!

Хозяйка улыбнулась.

— Мы, какъ дѣти, государь,—сказала она,—забавляемся этими игрушками, но вѣдь въ этомъ вся утѣха въ жизни.

— Съѣзжаются уже сенаторы, — началъ Казиміръ, котораго все тревожила забота о выборахъ. — Навѣрное, вы видѣли многихъ изъ нихъ?

— Нѣкоторыхъ,—сказалъ Казановскій. — Я избѣгаю вмѣшательства въ общественныя дѣла, такъ какъ ни здоровье, ни трауръ по королѣ, который я ношу въ своемъ сердцѣ, не позволяютъ мнѣ ничѣмъ заняться.

— Я, насколько могу, заступаю своего мужа,—шутя замѣтила хозяйка,—потому что не хотѣла-бы, чтобы онъ такъ сторонился отъ людей, отъ свѣта и весь погружался въ грусть и печаль, но я принуждена неволить его, до такой степени онъ сталъ равнодушенъ ко всему.

— Счастливъ братъ мой, что сумѣлъ найти себѣ такого друга, — прибавилъ король. — Я ему завидую.

Въ эту минуту доложили о приходѣ канцлера Оссолинскаго, и Казановскій вѣжливо обратился къ гостю, спрашивая его, позволить ли онъ ему принять этого гостя. Янъ Казиміръ кивнулъ головой. Минуту спустя, почти съ такимъ же нахмуреннымъ челомъ, какъ и самъ хозяинъ, съ важностью, которая никогда его не оставляла, вошелъ Оссолинскій. Приходъ его былъ весьма желателенъ для короля, но, быть можетъ, не совсѣмъ на руку прекрасной хозяйкѣ, которая желала бы воспользоваться представившимся случаемъ и наединѣ забрать въ свои руки будущаго государя. Оссолинскій вошелъ съ той озабоченностью на лицѣ, съ которой тогда носились всѣ. И онъ, и другіе сенаторы, и сановники желали какъ можно скорѣе часть отвѣтственности, которая до сихъ поръ цѣликомъ падала на нихъ, свалить на плечи вновь избраннаго короля.

Съ первыхъ же словъ разговоръ съ Оссолинскимъ перешелъ къ общественнымъ дѣламъ, но Казановскій молчалъ, и только жена его мѣшалась въ разговоръ и оживляла его своимъ веселымъ щебетаньемъ. Канцлеръ объявилъ королю, что они условились съ Альбрехтомъ Радзивилломъ и нѣсколькими другими панями ѣхать на дняхъ въ Яблонную, къ князю Карлу, и уговорить его отказаться отъ кандидатуры. Повидимому, это очень обрадовало короля шведскаго.

— Можете его увѣрить, — поспѣшно сказалъ онъ, — что я буду стараться вознаградить его за всѣ убытки, которые онъ понесъ. Говорятъ, что онъ бросилъ цѣлый милліонъ на вооруженіе войска и снисканіе расположенія шляхты. Для Карла, который такъ любитъ деньги и съ такой скупостью собиралъ ихъ, это было бы весьма ощутительной потерей, но Рѣчь Посполитая... я самъ, наконецъ, сумѣю его вознаградить.

— Все это, навѣрное, такъ и кончится, — прибавилъ Оссолинскій, — потому что, кромѣ земель Мазовецкихъ, у князя Карла немного будетъ сторонниковъ.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ канцлеръ подтвердилъ всѣ извѣстія, какія дошли изъ Замостья, Бреста; изъ Руси. Дерзость казачества дошла до крайнихъ предѣловъ. Гетманы въ плѣну, войска разбиты, захвачена огромная добыча, безнаказанные наѣзды на

города приводили ихъ въ какое то упоеніе. Повторяли дерзкія выраженія пьянаго Хмѣля и оскорбленія, бросаемыя на шляхту, но вмѣстѣ съ тѣмъ Оссолинскій утверждалъ, что гетманъ казацкій о будущемъ королѣ, равно какъ и о покойномъ, выражался съ покорностью и уваженіемъ. Итакъ, нужно было какъ можно скорѣе избрать короля, какъ знамя вокругъ котораго могъ бы собираться народъ.

Янъ Казиміръ гордился высокимъ призваніемъ, какое падало на него: онъ долженъ былъ явиться спасителемъ отечества.

V.

Прощаніе съ Маріей Людвигой было холодное и церемонное, по крайней мѣрѣ на видъ; но благодаря стараніямъ обоихъ литовскихъ канцлеровъ, и въ особенности князя Альбрехта, между королевой - вдовой и Яномъ Казиміромъ былъ уже заключенъ союзъ, который соединялъ ихъ интересы и связывалъ въ будущемъ.

Ловкій дипломатъ Радзивиллъ, дѣйствуя всегда только отъ своего имени, ѣздилъ къ Маріи Людвигѣ и къ королю шведскому, постепенно дѣйствовалъ на обоихъ, такъ что склонилъ королеву къ выходу замужъ за новаго короля, а Яна Казимира къ обѣщанію, что если только ему удастся добыть сердце королевы, то онъ готовъ на ней жениться.

Всѣ выгоды этого союза канцлеръ умѣлъ изложить очень ловко.

— Въ ту-же минуту ваше величество пріобрѣтаете себѣ союзника во Франціи и въ Римѣ, королева готова помогать деньгами... Все это только относительно связываетъ васъ; но болѣе легкаго брака, болѣе дешеваго въ эти времена, когда такъ трудно добываются деньги, наконецъ, болѣе достойной особы, которая носила бы корону съ такой важностью, ваше величество не найдете. Все говоритъ за нее.

— Я глубоко уважаю Марію Людвику, — увѣрялъ Казиміръ. Въ первую минуту Янъ Казиміръ согласился: это обезпечивало ему избраніе, поддержку, освобождало отъ заботъ; но лишь только Радзивиллъ ушелъ и онъ остался наединѣ съ Бутлеромъ,

которому онъ съ дѣтскою болтливостью открывался во всемъ, онъ ломая руки, воскликнулъ:

— Знаешь, Бутлеръ, чего мнѣ будетъ стоить эта корона? Я это предвидѣлъ: Радзивиллъ сватаетъ мнѣ королеву-вдову и заставляетъ на ней жениться. Это значитъ позволить заковать себя въ цѣпи; эта женщина заберетъ меня въ свои руки, я это чувствую, и пожелаетъ вести меня на веревочкѣ, будетъ слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ.— Онъ остановился и задумался.— Она не безобразна,—бормоталъ онъ;—этого я не скажу, но ни малѣйшаго слѣда молодости, а для меня молодость...—И какъ-бы самъ у стыдясь своей слабости, поспѣшно прибавилъ:— Это бракъ только для формы, онъ ни къ чему не обязываетъ; Владиславъ почти съ ней не жилъ, да, но она дѣлала съ нимъ все, что хотѣла. Увидишь,—и меня тоже ожидаетъ.

— Государь,—прервалъ Бутлеръ, — положеніе покойника было совсѣмъ другое.

— Да, но она теперь въ сто разъ сильнѣе, чѣмъ была сначала,—говорилъ Янъ Казиміръ,—она имѣетъ связи, друзей, приверженцевъ.

Староста приблизился къ королю:

— Государь,—шепнулъ онъ,—политика имѣетъ свои права; вѣдь ваше королевское величество не даете никакого обязательства жениться на ней, это только догадки, надежды, желанія; захвативъ корону, всегда можно будетъ отступить.

Янъ Казиміръ закусилъ губы.

— Я тоже,—воскликнулъ онъ, фамиллярно кладя руку на плечо Бутлеру,—ни говорить объ этомъ, ни обѣщать королевѣ не думаю... нѣтъ, нѣтъ... Я говорилъ съ канцлеромъ, но это только одни предположенія, ничего больше.

Прощаніе съ королевой съ обѣихъ сторонъ было какъ-бы выпытываніемъ. Оба знали, что переговоры уже ведутся, но что о нихъ еще рано говорить. Королева вышла болѣе оживленная, чѣмъ обыкновенно; король приблизился къ ней съ болѣе замѣтною вѣжливостью, которая при его непріятныхъ чертахъ лица и принужденности, дѣлала его очень смѣшнымъ.

Онъ началъ съ того, что поблагодарилъ королеву за обѣщанную поддержку. Марія Людвиг испугалась быть можетъ излишней откровенности и тотчасъ-же прервала его.

— Я желала бы доказать свою признательность Рѣчи Посполитой, которая меня такъ хорошо приняла, а лучше я не могу услужить ей, какъ ускоряя, насколько это возможно слабымъ моимъ силамъ, избраніе вашего королевскаго величества. Я писала уже къ королю, моему двоюродному брату, и надѣюсь на скорый отвѣтъ.

Янъ Казиміръ поцѣловалъ поданную ему руку.

— Очень буду вамъ обязанъ, ваше королевское величество.

Королева все время какъ будто опасалась, что Казиміръ неловко и преждевременно проговорится, каждую минуту прерывала его увѣреніями, что всѣми силами будетъ его поддерживать. Разговоръ, въ серединѣ котораго, по заранѣ условленному плану, вошелъ ксендзъ де-Флері, окончился ничѣмъ. Замѣтно однако было по болѣе свободному обращенію обоихъ, что первый ледъ былъ уже разбитъ, что оба съ большей увѣренностью смотрѣли на будущее.

Марія Людвига достаточно знала короля шведскаго, чтобы быть увѣренной, что заберетъ его въ свои руки.

Встревоженный король въ глубинѣ души утѣшался тѣмъ, что въ послѣдствіи сумѣетъ выпутаться. Поэтому онъ вышелъ такимъ веселымъ, какимъ давно уже не бывалъ; но старый грѣхъ съ отвратительною фізіономіей мстителя ждалъ на порогѣ его покоя.

Здѣсь стояла, теперь уже иначе, но не менѣе странно одѣтая Бертони, которую не могли удалить ни пажы короля, ни карлики, хотя и увѣряли ее, что короля нѣтъ и что съ нимъ невозможно сегодня увидѣться.

— Но вѣдь долженъ-же онъ вернуться на ночь, — кричала дерзкая итальянка: — а я не отступаю отсюда ни на шагъ, пока не поговорю съ нимъ.

На этотъ оживленный споръ подоспѣлъ король и поблѣднѣлъ, увидѣвъ ее.

— А! несносная, это ты, — воскликнулъ онъ. — Дай мнѣ свободно вздохнуть! Что ты меня преслѣдуешь?

Итальянка поклонилась.

— У меня важное дѣло, — сказала она. — Ваше королевское величество ѣдете завтра въ Непорентъ, а я не могу гнаться за вами по такимъ дорогамъ. — И пробиваясь за королемъ,

хотя онъ ничего не отвѣчалъ ей, Бертони ворвалась въ спальню.

— Чего ты хочешь? — воскликнулъ, обращаясь къ ней, взбѣшенный Янъ Казимиръ.

— Справедливости! — съ пафосомъ, возвышая голосъ, отвѣчала итальянка. — У меня одна только дочь, и я берегу ее какъ зеницу ока.

При этихъ словахъ король всталъ.

— Ага! такъ съ дочерью... катастрофа? — воскликнулъ онъ. — Любопытно.

— Катастрофы никакой нѣтъ, потому что я не допущу до этого, — воскликнула Бертони, — я выцарапала бы тому глаза!

— Кому? — спросилъ видимо заинтересованный король.

Въ другихъ дверяхъ комнаты, на порогѣ, съ той свободой дворовъ, гдѣ нѣтъ ни порядка, ни этикета, вся прислуга стояла въ кучу и слушала. Бертони указала на нихъ. Король топнулъ ногой и руками далъ знакъ, чтобы всѣ уходили прочь.

— Запереть двери.

Итальянка воспользовалась этой минутой, чтобы передъ зеркаломъ поправить волоса. Она выглядѣла, какъ настоящая Медуза.

— Что-же случилось съ твоей дочерью? — спросилъ король, очевидно заинтригованный.

— Ничего не случилось; но, какъ мать, я должна предупредить зло, чтобы оно не могло случиться, — начала она. — Такъ вотъ, я дошла до того, что дворецкій вашего величества бѣдный шляхтичъ, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, подбегаетъ къ Біанкѣ, увлекаетъ ее, соблазняетъ, шляется подъ окнами, письма пишетъ.

Король засмѣялся.

— Вотъ молодецъ! — воскликнулъ онъ. — Который-же, говоришь, какъ его зовутъ?

Не отвѣчая на вопросъ, Бертони продолжала.

— Я прихожу за тѣмъ, чтобы ваше величество запретили ему застрашала его, предупредили, что если онъ будетъ продолжать такъ поступать, то получить розогъ и будетъ выкинутъ вонъ изъ двора!

— И больше ничего? — спросилъ развеселившійся король. — Не повѣситъ ли его за это?

— Не смѣйтесь, ваше величество, — сердито прервала итальянка. — Тутъ дѣло идетъ о невинномъ ребенкѣ.

— Скажите-же мнѣ, какъ зовутъ этого счастливца? — спросилъ Казимиръ.

Итальянка скривилась и плюнула.

— Даже противную фамилію его произнести трудно, — вскричала она, — у него фамилія точно у какого-нибудь дворника, лакея, мужика. И имя, и фамилія подобраны такія. — Дызма Стжембошъ!

Бертони; видимо, стоило большихъ трудовъ произнести эти два слова.

Король поднялъ руки и хлопнулъ въ ладоши.

— Ого! — засмѣялся онъ, — да у этого кавалера есть вкусъ!

Итальянка, привыкшая обходиться съ королемъ безъ всякой церемоніи, проворчала: — Не для пса эта колбаса...

Между тѣмъ, король уже ударилъ въ ладоши. Прибѣжалъ первый дворецкій — Тизенгаузь.

— Позвать мнѣ сюда Стжембоша!

— Въ передней его нѣтъ, — смѣло отвѣчалъ Тизенгаузь, — но онъ въ замкѣ, потому что я недавно его видѣлъ.

— Послать за нимъ.

Въ ту минуту въ передней поднялся какой-то шумъ, и, пробившись черезъ толпу слугъ, въ комнату бойко и смѣло вошелъ очень красивый молодой человекъ, франтовски одѣтый по тогдашней польской модѣ, съ хохломъ на головѣ, съ саблей у бока. Темные усики, закрученные кверху, придавали еще болѣе смѣлости, рѣшимости и энергіи молодому лицу,

— Стжембошъ, — обратился къ нему король, притворяясь сердитымъ и нахмуреннымъ, — что это за жалоба опять на тебя?

— Я ничего не знаю, — проворчалъ юноша.

— Какъ ничего? — вспылила Бертони. — Ты хочешь вскружить голову моей дочери!

— Сохрани Богъ! — холодно отвѣчалъ Дызма.

— Ты не смѣешь отпираться, — вскричала она, — у меня есть доказательства.

— Да я и не думаю отпираться, что панна Біанка очень мнѣ понравилась, и что я даже влюбился въ нее. Въ дѣлѣ этомъ грѣхъ. Я шляхтичъ, и если влюбился, то могу и жениться.

Бертони схватилась за голову.

— Скажите, пожалуйста, какое для меня одолженіе.— вскричала она.— Тебѣ! Жениться на моей дочери! Да вѣдь у тебя и имущество-то все—кляча да сѣдло! ха, ха, ха!

Стжембошъ слушалъ, нисколько не смущаясь:

— И отъ этого я вовсе не отпираюсь, что я бѣденъ,—отвѣчалъ онъ.—Развѣ я не могу заработать, какъ другіе? А мое шляхетство развѣ ничего не значитъ?

Король посматривалъ то на своего дерзкаго слугу, то на взбѣшенную его дерзостью Бертони.

— Будь-же разсудителенъ,—проговорилъ онъ, обращаясь къ Стжембошу.—Видишь, мать знать тебя не хочетъ, вѣдь не возьмешь-же ее насильно, а шляхетство твое онѣ ни въ грошъ не ставятъ. Брось-же ты, наконецъ, всѣ твои ухаживанія и чтобы я больше не слыхалъ о нихъ.

Стжембошъ покрутилъ усь..

— Ваше величество,—сказалъ онъ,—можете мнѣ приказывать, что хотите, но что касается сердца—дѣло извѣстное, что одинъ Богъ управляетъ нашими сердцами. Я самъ даже не владѣю имъ. Я желалъ-бы быть послушнымъ, но трудно за это ручаться.

Король улыбнулся и повелъ плечами. Итальянка со злости ломала себѣ пальцы и слышно было, какъ они трещали въ суставахъ.

— Слышалъ ты приказаніе короля?—гнѣвно воскликнула она.—А я запрещаю тебѣ приближаться къ моему ребенку и употреблю всѣ средства,—хотя бы ее пришлось запереть въ монастырь,—чтобы ты даже кончика ея носа не увидѣлъ. Убирайся, куда хочешь, со своимъ шляхетствомъ; какая-нибудь мѣщанка, пожалуй, и соблазнится на него, но моя дочь слишкомъ высока для тебя.

Стжембошъ слушалъ, искоса поглядывая на взбѣшенную бабу, но не отвѣчалъ ничего.

— Ну, можешь отпраляться,—сказалъ король,—ты знаешь, что тебя ожидаетъ; помни-же, чтобы до меня не доходили такіа жалобы, потому что иначе я долженъ буду прогнать тебя со службы.

Все это вмѣстѣ производило, однако, мало впечатлѣнія на

юношу; можно было даже заподозрить его, что онъ улыбается подъ усами. Затѣмъ онъ молча поклонился королю, нѣсколько насмѣшливо наклонилъ голову передъ Бертони и вышелъ,—но вышелъ, какъ бы торжествуя.

Стжембошъ этотъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относилась гордая итальянка, снова зачисленный по возвращеніи Яна Казимира въ штатъ дворовыхъ, былъ всеобщимъ любимцемъ, не исключая и самого короля. Бѣдный малый, сынъ вдовы, откуда-то изъ Краковскаго, сынъ извѣстнаго по всей храбрости солдата, который до самой своей смерти служилъ въ пользу епископа краковскаго,—воспитывался въ Краковѣ; затѣмъ, во время новыхъ наборовъ при Владиславѣ IV попалъ въ иностранные полки, а изъ нихъ ко двору Казимира. Для своего возраста, онъ имѣлъ уже достаточно опытности, и принужденный, какъ сирота, слишкомъ рано жить самостоятельно и еще помогать матери, онъ очень счастливо, смѣло и ловко боролся съ судьбой. Красивая наружность, отличающаяся особенной интеллигентностью, производила очень благоприятное впечатлѣніе при первой встрѣчѣ и впечатлѣніе это никогда никого не обманывало. Онъ умѣлъ снискать себѣ любовь всѣхъ тѣхъ, съ которыми заставляли его сталкиваться судьба и обстоятельства; ни слишкомъ дерзкій, ни слишкомъ трусливый—что бываетъ еще вреднѣе—Дызма обладалъ большимъ присутствіемъ духа и смѣлостью, ничего не боялся, и люди не смѣли играть имъ какъ пѣшкой. При дворѣ, что очень рѣдко, милость государя не создавала ему враговъ, потому что онъ ни разу не употребилъ ее кому-нибудь во вредъ; любили его и товарищи, которымъ онъ охотно помогалъ; онъ былъ старателенъ и ему везло въ исполненіи порученій и приказаній, которыя король охотно давалъ ему. Гдѣ только предстояла какая-нибудь трудная задача, онъ всегда призывалъ Стжембоша.

Когда Дызма явился среди своихъ товарищей, всѣ встрѣтили его дружнымъ и веселымъ смѣхомъ. Для многихъ изъ нихъ ухаживанія его были новостью, мало кто подозрѣвалъ это; да мало кто и видѣлъ Біанку, потому что мать особенно тщательно прятала ее отъ глазъ придворной молодежи. Начали и дразнить, и поздравлять. Стжембошъ молча покручивалъ усъ, стоя въ задумчивости.

Въ эту минуту съ шумомъ выбѣжала отъ короля Бертони,

захлопнула за собой дверь и, не глядя на прислугу, которая встрѣчала ее дерзкимъ смѣхомъ, стремглавъ выбѣжала въ корридоръ.

Въ первую минуту Стжембошъ хотѣлъ идти за ней, но потомъ раздумалъ и остался, а тутъ какъ разъ и король позвалъ его къ себѣ.

Легко было угадать, что это такъ будетъ, такъ какъ даже въ самыя серьезныя, рѣшительныя минуты своей жизни Янъ Казиміръ не могъ удержаться, чтобы не послушать скандальныхъ исторій, которыхъ онъ, несмотря на свой санъ, требовалъ отъ самыхъ послѣднихъ слугъ. Это забавляло его, но виѣстъ съ тѣмъ ставило въ слишкомъ фамиллярныя отношенія съ прислугой, такъ что при дворѣ его не было ни малѣйшей дисциплины. Иногда король бывалъ вынужденъ прибѣгать къ послѣднему средству—собственноручно наказывать ослушниковъ, но и это мало помогало. Нигдѣ прислуга не была такъ испорчена, какъ у него.

Призванный Дызма смѣло вошелъ и всталъ передъ ожидавшимъ его Казиміромъ, который окидывалъ его любопытнымъ взоромъ.

— Что ты тутъ натворилъ? — улыбаясь, спросилъ король. — Говори мнѣ все. Вѣдь Бертони бережетъ свою дочь, какъ зеницу ока: какъ же это ты забрался туда?

Стжембошъ задумался; видно было, что разпросы эти были ему непріятны.

— Государь, — сказалъ онъ, — я видѣлъ ее на улицѣ, въ костелѣ, въ окнѣ. Впрочемъ, все на томъ и оканчивается, что я глядѣлъ и вздыхалъ, а она отвѣчала мнѣ глазами. Я попробовалъ написать письмо, но мать перехватила его, и отсюда-то поднялась буря.

— Ну, а дѣвушка? Она расположена къ тѣбѣ? — выспытывалъ съ обычнымъ любопытствомъ Янъ Казиміръ. — Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что она относится ко мнѣ довольно благосклонно, — сказалъ Стжембошъ: — но она еще ребенокъ; это ее забавляетъ, а одинъ Богъ знаетъ, пробудилось ли что-нибудь въ ея сердцѣ.

— Итакъ, ты ее бросишь? — прошепталъ король.

Стжембошъ задумался.

— Государь, — отвѣчалъ онъ, — я ничего не знаю и ни за что не ручаюсь, какъ устроить судьба. Бертони изъ мухи

слона дѣлаетъ. Я не могъ даже приблизиться къ дѣвушкамъ, ни поговорить съ ней, а она подняла ужъ такой шумъ, какъ будто я ворвался къ ней въ домъ.

— Ты долженъ знать, — фамиллярно шепнулъ король, — что итальянка смотритъ очень высоко и возлагаетъ на дочь большія надежды, и, отчасти, она права. Дѣвушка, говорятъ, очень красива?

Тутъ король остановился и взглянулъ на него, Стжембошъ подтвердилъ:

— Какъ ангелъ.

— Ну, и образованіе отличное, да и эта хитрая, скупая, хищная мать накопить ей хорошее приданое. Безъ сомнѣнія, она будетъ очень богата: такъ что, видишь...

— Вижу, государь, — отвѣчалъ Дызма, — что дѣло трудное, но отчаиваться не годится. На войнѣ у насъ не разъ представится случай отличиться; я поступлю въ войска и, Богъ милостивъ, дослужусь до чего-нибудь. — Стжембошъ съ глубокимъ поклономъ направился къ дверямъ, чувствуя глубокое отвращеніе къ такимъ откровеннымъ бесѣдамъ, до которыхъ король былъ такой охотникъ.

На другой день собирались въ Непорентъ, и осенняя слякоть опечалила всѣхъ, начиная съ короля и кончая послѣднимъ пажемъ. Никому не хотѣлось покидать Варшаву, какъ разъ въ то время, когда она должна была оживиться большимъ съѣздомъ провинціальныхъ гостей, спѣшащихъ на выборы. Въ замкѣ оставался только дворъ королевы-вдовы, которую нельзя было удалить, такъ какъ формально она не принимала никакого участія въ выборахъ.

Дворъ короля шведскаго первый выступилъ изъ замка, сейчасъ-же за нимъ князь Карлъ долженъ былъ направиться въ Яблонную, но въ послѣднюю минуту онъ приказалъ своимъ людямъ остановиться и ждалъ, пока не выйдетъ его братъ. Епископъ все еще боролся съ самимъ собой: проститься ли ему передъ отъѣздомъ съ Маріей Людвигой, какъ, быть можетъ, слѣдовало бы, или оставить въ сторонѣ это соблюденіе придворнаго этикета.

Его приближенные ничего не сумѣли ему сказать, кромѣ того, что Янъ Казиміръ былъ у королевы съ визитомъ. Для

князя Карла было ясно, что королева будетъ держать сторону старшаго брата; ему казалось, однако, что прекратить изъ-за этого всякія сношенія съ нею, выказать свою обиду, было бы не политично. Поэтому, почти уже садясь въ экипажъ, онъ послалъ къ ксендзу де-Флери, съ которымъ былъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ, спросить, можетъ ли онъ проститься съ королевой? Вопросъ этотъ долго оставался безъ отвѣта, но, наконецъ, князю Карлу принесли извѣстіе, что королева его ожидаетъ. Онъ предпочелъ-бы, чтобы она подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказала ему въ приѣмѣ, но отступить было уже поздно. Эта непріятная встрѣча не могла имѣть никакихъ послѣдствій; это была жертва приличію. Онъ засталъ королеву съ де-Флери и м-ше Дезессаръ въ приѣмной залѣ. Съ радушной, дѣланной улыбкой, какой всегда и вездѣ встрѣчала своихъ гостей королева, съ важностью, которая никогда ее не покидала, она приняла князя Карла. Она чувствовала себя свободной, тогда какъ онъ входилъ видимо смущенный. Не будучи никогда краснорѣчивымъ, теперь менѣе чѣмъ когда-либо онъ могъ произнести нѣсколько словъ. Приближаясь къ ней, онъ пробормоталъ что-то о прощаніи, о непріятномъ отъѣздѣ изъ Варшавы.

— Вы очень легко могли-бы избѣжать этого вынужденнаго путешествія, — смѣло заявила королева.

Князь Карлъ закусилъ губы и отвѣтилъ почти гнѣвнымъ взглядомъ.

— Да, — сказалъ онъ, начиная уже кипититься: — но разъ уже увлеченный и склоненный къ тому, чтобы стать въ ряды кандидатовъ, я не могу и не хочу отступать. Корона эта, — прибавилъ онъ, — въ настоящее время, при такихъ обстоятельствахъ, такъ непривлекательна, и такъ тяжело будетъ носить ее, что желаніе ея, какъ мученическаго вѣнца, никому не можетъ быть поставлено въ укоръ. Съ моей стороны, — могу васъ увѣрить, — это жертва Рѣчи Посполитой, родившейся на лонѣ которой, я считаю себя ея сыномъ. Всѣ знаютъ, какъ я полюбилъ тихую и уединенную жизнь, но сегодня мы должны думать не о себѣ.

— Никто не сумѣетъ оцѣнить этой жертвы лучше меня, — церемонно начала королева. — Я смотрѣла своими глазами на

то, сколько приходилось переносить покойному королю, а теперь ему даже и въ гробу не даютъ покоя. Клевета преслѣдуетъ его даже мертвого.

Съ опущенными глазами слушалъ ее князь Карлъ.

— Грустиѣ всего для меня то, — прибавилъ онъ, — что я долженъ буду выступить противъ брата, котораго не сломили еще его прошлыя неудачи.

Марія Людвика отвѣтила только многозначительнымъ взглядомъ; чтобы перемѣнить направленіе разговора, она спросила его о квартирѣ въ Яблонной, пожалѣла съ нимъ вмѣстѣ о ея неудобствахъ. Нѣсколько постороннихъ вопросовъ и отвѣтовъ закончили, наконецъ, тяжелый для обоихъ разговоръ. Она проводила гостя нѣсколько шаговъ къ дверямъ и князь Карлъ вздохнулъ свободнѣе за порогомъ.

Пока это происходило въ замкѣ, а сенаторы какъ-то вяло собирались, князь Альбрехтъ, канцлеръ литовскій и другіе болѣе важные сановники старались заранѣе обдумать, какъ вести предстоящій сеймъ, чтобы избѣгнуть раздора, позднихъ и напрасныхъ упрековъ, невознаградивой потери времени. Мало-по-малу уже начинали образовываться кучки, которыя, однако, почти всѣ сходились на томъ, что быстрый выборъ монарха былъ теперь самой важной задачей. Значительное большинство держало сторону короля шведскаго, немногіе предлагали епископа, за его порядокъ и хозяйственность, хвалили его за нѣсколько сотъ людей, посланныхъ имъ въ Баръ.

Едва только оба кандидата успѣли устроиться въ Яблонной и Непорентѣ, какъ къ нимъ начали наплывать гости изъ Варшавы. Князь Карлъ, обыкновенно бережливый, долженъ былъ показывать себя щедрымъ и гостепріимнымъ, а Янъ Казиміръ, у котораго былъ недостатокъ средствъ, не могъ ему позволить перещеголять себя въ чемъ-бы то ни было. Съ тяжелой заботой объ этомъ, несмотря на хлопоты Бутлера, прибывъ онъ во временную резиденцію, но тутъ въ первый разъ дала себя почувствовать помощь какой-то невидимой руки, которую легко было отгадать. Помощь эта не шла прямо и явно отъ королевы, но не могла быть ни отъ кого другого. У короля вдругъ все явилось въ изобиліи, и посуда, и припасы и все это какимъ-то чудомъ являлось само собой, приходило

по разнымъ дорогамъ. Староста удивлялся и тѣшился. Король ободрился и поздравлялъ самого себя съ дружбой королевы. Однако, соперничество князя Карла все еще было опаснымъ, такъ какъ епископъ имѣлъ деньги и не жалѣлъ ихъ теперь. Между братьями съ каждымъ днемъ росли раздоръ и вражда. Король шведскій, который былъ неостороженъ въ словахъ и не умѣлъ себя сдерживать, повторялъ оскорбительныя для брата сплетни. Переносились онѣ услужливыми дармоѣдами изъ Непорента въ Яблонную и возбуждали тамъ мстительность и еще большую настойчивость. Нигдѣ не представляли Яна Казимира въ болѣе черномъ цвѣтѣ, какъ въ комнатахъ епископа, и здѣсь въ первый разъ пустили сплетню, будто-бы король шведскій выразился вслухъ, что итальянскую собаку онъ больше цѣнитъ, чѣмъ польскаго шляхтича.

Съ другой стороны осмѣивали князя Карла, который будто бы сказалъ, что онъ готовъ сѣсть на коня и ѣхать на войну, что, однако, было непохоже на него.

— Если у Рѣчи Посполитой не будетъ другихъ защитниковъ, кромѣ ему подобныхъ, то казаки съѣдятъ ее! — кричали казимировцы.

Сторонники князя Карла упирали на то, что никогда и нигдѣ Янъ Казимиръ не могъ долго выдержать, все скоро противѣло ему и онъ уже хватался за что-нибудь новое. Знали они предсказаніе Іосифа изъ Коперты, который будто бы заранѣе предсказалъ, что Янъ Казимиръ ни монахомъ, ни кардиналомъ долго не будетъ, а если-бы ему даже досталась корона, онъ не умретъ королемъ, потому что и ту броситъ. Этотъ легкомысленный характеръ, пустые разговоры, любимое общество карликовъ, шутовъ, обезьянъ и т. п. — все это ставили въ укоръ будущему королю, тогда какъ Карлъ, добросовѣстный и серьезный, общалъ силой своего характера, доказательства котораго онъ давалъ не разъ, выработать въ себѣ все, что пожелаетъ. На его постоянство можно было разсчитывать. На другой-же день въ Непорентѣ знали, что наканунѣ говорили въ Яблонной и наоборотъ, и непріязнь братьевъ другъ къ другу все росла.

При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ всѣ попытки на какое-нибудь соглашеніе, предпринимаемыя Оссолинскимъ,

Радзивилломъ и нѣсколькими духовными, не могли привести ни къ чему. Ненависть и вражда, росли съ каждымъ днемъ, а расточительность князя Карла, который, несмотря на свою бережливость, сорилъ деньгами направо и налево, надѣясь побѣдить этимъ Казимира, служила лучшимъ доказательствомъ ненависти, дошедшей до крайнихъ предѣловъ.

Князь Карлъ, который чувствовалъ и видѣлъ, что за Яномъ Казиміромъ стояла королева Марія Людвика, и ее закидывалъ грязью. Съ болью сердца видѣли сенаторы эту возрастающую вражду. Однимъ изъ дальнѣйшихъ посредниковъ, которые до послѣдней минуты не отчаивались въ примиреніи, былъ князь Альбрехтъ Радзивиллъ, канцлеръ литовскій. Онъ дѣйствовалъ въ пользу Казимира, идя рука объ руку съ королевой, а за ними шелъ, хотя и не такъ явно и открыто дѣйствующій Оссолинскій. Онъ надѣялся такимъ образомъ остаться при своемъ прежнемъ вліяніи и значеніи, а его ненасытное честолюбіе, дѣйствительно, могло ожидать себѣ многого въ царствованіи слабаго Казимира.

Чрезвычайно ловко дѣйствовалъ канцлеръ литовскій, который зналъ людей и умѣлъ извлекать изъ нихъ себѣ выгоду. Въ рукахъ его, совершенно незамѣтно для самихъ себя, становились слѣпными орудіями такіе, которымъ онъ навязывалъ свои убѣжденія, какъ ихъ собственныя. Не находя возможности самому часто показываться въ Яблонной, гдѣ хотя и принимали его очень радушно, но не обольщались надеждами на его доброжелательство, — Радзивиллъ подсылалъ туда епископовъ и духовенство, которое должно было отговаривать князя Карла прежде всего отъ бесполезнаго соперничества, а затѣмъ, отъ короны, которая была бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ для набожнаго епископа.

Князь Карлъ однако до сихъ поръ былъ твердъ и непоколебимъ, упрямо стоялъ на своемъ. Онъ казалось былъ слѣпъ на то, что небольшая горсть его сторонниковъ не имѣла въ сенатѣ почти никакого значенія, и даже среди шляхты весьма сомнительное вліяніе. Несмотря на всѣ эти обманчивыя обѣщанія и надежды, какими кормили князя Карла, онъ слишкомъ былъ разсудителенъ, черезчуръ хорошо зналъ людей, чтобы въ концѣ концовъ не усумниться въ глубинѣ души въ удачѣ

своей кандидатуры. Огромные расходы, которымъ не было конца, также начинали его охлаждать, хотя онъ и не давалъ этого замѣтить, и каждый разъ какъ приходили посланные отъ канцлера, вздыхая, и склоняя къ миру и дружбѣ, князь Карлъ вспылчиво заявлялъ, что онъ ни за что не откажется отъ кандидатуры. Быстрый взоръ Радзивилла замѣтилъ уже однако большую перемену въ словахъ и поступкахъ князя Карла со времени его выѣзда изъ Варшавы. Явная помощь королевы и изъ достовѣрныхъ источниковъ полученное извѣстіе, что посолъ французскій уже получилъ письма отъ своего короля, предлагающаго выбрать Яна Казимира, что апостольская столица также подала свой голосъ за эксъ-кардинала, пришибли наконецъ епископа и отняли у него всякую рѣшимость. Одно только самолюбіе удерживало его еще.

Высоцкій, Чирскій и Нищицкій, эта дѣятельная тройка въ заѣзжемъ домѣ надъ Вислой, черезъ своихъ посланныхъ въ Яблонную, старались доказать князю Карлу, что мазовецкая шляхта, самая многочисленная на выборномъ полѣ, должна была играть тамъ главную роль; ея крики возьмутъ верхъ и потянутъ за собой другія воеводства.

Можно сказать также, что оба кандидата на корону, почти въ постоянной горячкѣ, мало имѣли времени на размышленія. Въ Непорентѣ и Яблонной дня не было безъ гостей изъ Варшавы; они постоянно мѣнялись и усиливали лихорадочное состояніе. Въ каждой изъ этихъ двухъ резиденцій были доброжелатели, склоняющіе къ твердости и настойчивости, а въ особенности росла партія Яна Казимира, хотя отъ королевы ничего нельзя было узнать: она неохотно говорила о выборахъ, казалась равнодушной, и только съ Радзивилломъ была откровенна, при посредничествѣ котораго шли съ ея стороны помощь, совѣты и указанія.

VI.

«Ужъ если кому повезетъ, — говаривали наши дѣды, — тотъ хоть бы колѣнями упалъ на землю — на кладъ натѣнется, а кого судьба начнетъ преслѣдовать, у того и хлѣбъ въ рукахъ въ камень обращается». Испыталъ это и Дызма Стжембошъ.

Король шведскій всегда чувствовалъ къ нему особенную слабость, но въ эту минуту, быть можетъ, и не вспомнилъ бы о немъ и не представилъ бы ему случая выслужиться, если бы жалоба итальянки не напомнила ему о немъ. Дѣло шло о доставленіи извѣстій съ сейма въ Непорентъ, но не официальныхъ, насчетъ которыхъ можно было легко освѣдомляться, потому что ихъ привозили и Бутлеръ, и молодой Тизенгаузъ, а закулисныхъ сплетенъ, которыя позволяли бы судить о настроеніи умовъ шляхты и будущемъ ходѣ дѣлъ.

Стжембошъ имѣлъ проницательный взоръ и ему-то король и далъ полную свободу вращаться между Непорентомъ и Варшавой.

Совершенно такое-же порученіе отъ князя Карла имѣлъ и Нищицкій.

Королева въ замкѣ если можно такъ выразиться, чувствовала каждое бѣненіе пульса сеймовой жизни. Отсюда выходили тайкомъ программы дня, и все, что здѣсь предвидѣли, исполнялось самымъ удивительнымъ образомъ.

Стжембошу порученіе его пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу. Правда, что на выборномъ полѣ, не говоря уже о грязной дорогѣ въ Непорентъ, бродить въ эти осенніе дни было не очень пріятно, а съ самаго начала сейма, дождь лилъ какъ изъ ведра, но молодость легко и бодро переносить подобныя неудобства. Многіе старцы-сенаторы, страдающіе подагрой, чувствовали себя хуже въ эти сырые дни, нѣкоторые изъ нихъ даже лежали, но Стжембошъ, хоть ему и текло за воротникъ, посвистывалъ себѣ и всегда являлся къ Яну Казимиру съ такимъ веселымъ лицомъ, что и ему придавалъ бодрости.

На самомъ дѣлѣ сеймъ, очень еще неполный, потому что многіе были въ дорогѣ, а о другихъ говорили, что они совсѣмъ не будутъ, — ступалъ, какъ человѣкъ, котораго предостерегали, что онъ можетъ наткнуться на камень или упасть въ яму. Боялись касаться извѣстныхъ обстоятельствъ и особъ.

Стжембошъ, у котораго былъ отличный нюхъ, когда предвидѣлъ, что въ сеймѣ дѣло дойдетъ до чего-нибудь важнаго, весь день сидѣлъ подъ навѣсомъ, а въ другіе дни бѣгалъ въ Непорентъ. Онъ присоединялся то ко двору князя Альбрехта

Радзивилла, то къ людямъ Казановскаго, а виѣ навѣса среди шляхты, ему не надо было никого.

И уже при самомъ началѣ произошло раздѣленіе на два лагера. Стжембошъ тщательно избѣгалъ объявлять, къ какой партіи онъ самъ принадлежитъ. Въ первый-же день, какъ громъ, раздался голосъ: «Прочь съ чужеземцами! прогнать изъ войска вѣроломныхъ русиновъ, отнять у чужеземцевъ и плебеевъ имѣнья, которыя они держатъ въ арендѣ!» и т. д. Напоръ этотъ нѣсколько сдержалъ канцлеръ литовскій. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней сеймъ, можно сказать, пробовалъ свой пульсъ, пока наконецъ явились комиссары отъ злосчастнаго войска и стали горевать и оправдываться. Тогда съ истиннымъ мужествомъ выступилъ Адамъ Кисель, русинъ, но мужъ правый, котораго одни называли измѣнникомъ, а другіе уважали по заслугамъ.

Между тѣмъ въ особенности духовенство слѣшило съ пожертвованіями; одни жертвовали Рѣчи Посполитой людей, другіе, какъ епископъ жмудскій, жертвовали деньги.

Каждый день король выбѣгалъ на встрѣчу Стжембошу или Бутлеру:

— Ну, что же, что?—И получалъ все одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что ни о немъ, ни о князѣ Карлѣ на сеймъ вовсе не было и рѣчи. Янъ Казиміръ выходилъ изъ себя. Онъ терялъ терпѣніе и жаловался на проволочки, боясь, чтобы Карлъ не воспользовался ими. Стжембошъ, все съ тѣмъ же спокойнымъ лицомъ, увѣрялъ, что не о чемъ было беспокоиться. Обыкновенно король выслушивалъ его съ глаза на глазъ, не допуская никого, что было на руку и Дызмѣ, ибо онъ могъ дать волю своему языку. Въ одинъ прекрасный день, видя безпокойство короля, онъ осмѣлился прямо сказать:

— Государь, дѣла наши стоятъ отлично,—нечего бояться. У королевы тамъ много своихъ, и она чутко бодрствуетъ.

Сильно покраснѣлъ король и хотѣлъ было сначала отпираться отъ этого союза, но потомъ сообразилъ, что это ни къ чему бы не повело: онъ сдѣлалъ видъ, что пропустилъ это мимо ушей.

— Учусь терпѣнію,—ворчалъ король, слушая Стжембоша и Бутлера:—ужъ если иначе не можетъ быть...

Староста Бутлеръ доказывалъ, что иначе дѣйствительно не могло быть. Сеймъ давалъ время братьямъ помириться другъ съ другомъ, чтобы въ послѣднюю минуту не было раздора и борьбы. Кисель даже публично высказался за то, чтобы сеймъ послалъ къ обоимъ королевичамъ и уговорилъ ихъ помириться. Но воевода брацлавскій, очевидно, не былъ посвященъ во всѣ тайны и этотъ совѣтъ ему не понравился. Официально сеймъ ничего не зналъ о кандидатурахъ, а навязывать имъ корону— это унижало достоинство Рѣчи Посполитой.

И вотъ, Стжембошъ привозилъ извѣстія, какъ совѣтовались о выборѣ гетмановъ, о войскахъ, а настойчивыя требованія выборовъ сеймъ отражалъ тѣмъ, что Литва еще не прибыла. Не годилось провозглашать короля безъ нея. Съ другой стороны торопили съ выборами, затѣмъ войско прислало отъ себя легатовъ, требовали разслѣдовать, кто былъ причиной всѣхъ неудачъ.

Между тѣмъ королева, канцлеры и всѣ сторонники Яна Казимира были очень дѣятельны, не всегда даже докладывая ему, что они дѣлали. Онъ попалъ подъ такую опеку, что оставалось только сидѣть, слушать и спокойно ждать помощи.

Съ одной стороны король шведскій былъ очень радъ этому, но съ другой стороны это казалось ему унижительнымъ. Передъ однимъ только Бутлеромъ высказался онъ о своихъ чувствахъ униженія.

— Видишь, Бутлеръ, развѣ я не говорилъ! Королева уже захватила меня въ свои руки и опутала, она здѣсь все, безъ нея я, надо сознаться, не вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой борьбы. А что же будетъ дальше?

— Государь, — утѣшалъ староста, — вѣдь тутъ дѣло идетъ только объ избраніи; пусть только она или, съ позволенія сказать, самъ чертъ дастъ корону, — вѣдь ваше величество не дали на себя росписки кровью; изъ кажущейся неволи всегда будетъ время вырваться.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый день, когда сеймъ долженъ былъ принимать торжественное посольство, прежде всего отъ Яна Казимира. Онъ заранѣе уже хлопоталъ о томъ, чтобы оно соотвѣтствовало его королевскому достоинству, но все явилось само собой отъ какой-то невидимой руки, легко и величественно. Явилось триста отборныхъ всадниковъ, о происхож-

деніи которыхъ никто не спрашивалъ, чтобы придать больше торжественности и величія процессіи, въ которой ѣхали епископъ Жмудскій, воевода белзкій и мазовецкій, референдаръ литовскій, коронные: конюшій, кравчій и хорунжій, староста львовскій, много другихъ, а изъ двора Казимира—Оома Сапѣга и Тизенгаузь—его придворные.

Сенатъ и шляхта, такъ какъ погода была сносная, выстроясь на полѣ полукругомъ, выслушивали посольство, отъ имени котораго говорилъ епископъ. Рѣчь его была ловко написана и очень хорошо произнесена, всеобщее же настроеніе было таково, что ее приняли благосклонно.

Стжембошъ, которому было дано порученіе немедленно дать знать, какое впечатлѣніе произвела рѣчь, не дождавшись даже отвѣта архіепископа и предсѣдателя сейма, вскачь помчался въ Непорентъ. По уши забрызганный грязью, онъ имѣлъ счастье первымъ донести съ нетерпѣніемъ ожидавшему королю о его посольствѣ.

— Государь, — воскликнулъ онъ шутливымъ тономъ, — клянусь всѣмъ, что у меня есть самага святаго, сердца всѣхъ такъ расположены къ вашему королевскому величеству, что даже тѣ, которые вовсе не слыхали рѣчи епископа жмудскаго, а такихъ навѣрное было больше всего, — и тѣ апплодировали ей и громогласно ее одобряли.

Казиміръ не могъ этимъ успокоиться, ему надо было знать: какъ выглядѣли его триста всадниковъ, какое впечатлѣніе произвели фигуры его пріятелей, достаточно ли серьезно и торжественно явились они отъ его имени. Дызма долженъ былъ описывать ему костюмы, лошадей, предсказывая по тому, что уже было извѣстно, что посольство князя Карла, навѣрное, не будетъ такимъ роскошнымъ. Король шведскій ликовалъ, а пріѣхавшій на другое утро Бутлеръ въ точности подтвердилъ донесеніе Стжембоша.

Въ слѣдующіе дни принимали посла шведскаго, который, отъ имени королевы, поддерживалъ одинаково обоихъ королевичей, и папскаго посла де-Торресъ, къ свитѣ котораго присоединился и канцлеръ Радзивиллъ. Папа римскій также не дѣлалъ никакого различія между братьями, но было извѣстно, что онъ далъ порученіе поддерживать эскъ-кардинала.

Князь Карлъ только черезъ недѣлю послѣ этого отправилъ свое посольство, но скромно, даже и тѣ, которые общались бытъ, какъ Ходкевичъ, староста мозырскій, не явились, и рѣчи епископа кievскаго, обѣщавшаго отъ имени Карла 10,000 людей на защиту отчества, — никто не слыхалъ, — такой поднялся шумъ и гамъ, навѣрное заранѣе условленный.

Когда онъ, оканчивая свою рѣчь, высказался такъ, что епископъ Карлъ самъ готовъ идти на войну и пролить свою кровь, стоявшіе около Зарембы начали громко смѣяться. Даже тѣ, которые желали-бы объяснить въ пользу Карла послѣдствія этого посольства, не могли не сознаться, что оно было весьма неудачно. Все складывалось такъ, чтобы отнять у епископа всякую надежду. Какъ донесли объ этомъ въ Яблонную — неизвѣстно. Въ Непорентѣ радость была велика; одно только отравляло ее — это то, что во всемъ этомъ Казиміръ чувствовалъ ту невидимую руку, которая такъ его тревожила.

— Бутлеръ, — что ты скажешь? — спрашивалъ Казиміръ.

— Поздравляю и радуюсь; галушки сами летятъ намъ въ ротъ, — говорилъ староста, — самимъ бы намъ этого никогда не сдѣлать.

— Но, — вдругъ прервалъ король, который старался хоть этимъ утѣшить себя, — не думай, что все это дѣло ея рукъ. Нѣтъ, я имѣю за собой канцлера литовскаго, а это человѣкъ положительный и очень вліятельный. Это его дѣло.

— Да, — невольно или нарочно сказалъ Бутлеръ, — я въ этомъ увѣренъ, потому что знаю, что онъ каждый день совѣтуется съ королевой и безъ нея ничего не дѣлаетъ. Она и канцлеръ: мы можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ!

Между тѣмъ срокъ выборовъ все откладывался, потому что Радзивилъ и Оссолинскій рѣшили не приступать къ нимъ, пока князь Карлъ не откажется. Надо было только склонить его къ этому.

Посылали разныхъ лицъ въ Яблонную, предостерегали, старались увѣрить епископа, что онъ ни въ какомъ случаѣ не удержится: онъ не уступалъ.

Высоцкій, Чирскій, Нищицкій обнадеживали его, что шляхта перекричитъ сенаторовъ и принудитъ ихъ къ избранію епископа. Разсчитывали на Мазуровъ, надѣялись съ помощью Ход-

кевичей привлечь на свою сторону Литву, которой въ тягость было правленіе Радзивилла.

Епископъ не объяснялся, не высказывалъ того, на что надѣялся, но съ таинственной улыбкой принималъ гостей изъ Варшавы, поилъ и кормилъ ихъ, объявляя, что онъ желаетъ выдержать борьбу до конца.

Упрямство Карла, хотя оно и не было опасно, крайне бѣсило Казимира.

Пріѣздъ Вишневецкаго, дѣла войска—на нѣкоторое время отвлекли вниманіе отъ выборовъ; канцлеръ, однако, постоянно настаивалъ на нихъ. Весьма дѣятельный, онъ два раза заглянулъ въ Яблонную, но ничего не могъ подѣлать съ епископомъ.

Между тѣмъ готовился всѣмъ, а въ особенности королевѣ и Радзивиллу—сюрпризъ.

Король шведскій горевалъ надъ тѣмъ, что онъ такъ мало могъ сдѣлать самъ для себя и всѣмъ былъ обязанъ помощи Маріи Людвики и хлопотамъ литовскаго канцлера. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, хотя бы цѣной величайшей жертвы, самъ, безъ всякихъ посредниковъ, объясниться съ Карломъ.

Сильно удивился Стжембошъ, когда однажды вечеромъ король позвалъ его къ себѣ. Янъ Казиміръ принялъ его, съ крестомъ въ рукѣ, сильно взволнованный и дрожащій.

— Поклянись мнѣ здѣсь, сейчасъ-же, что... сохранишь тайну.

— Государь, —воскликнулъ Дызма, —да на это не надо ни креста, ни присяги.

— Присягни.

Стжембошъ послушался.

Дрожащей рукой всунулъ ему Казиміръ уже готовое написанное письмо.

— Садись на коня, поѣзжай въ Яблонную, отдай это письмо въ собственныя руки моего брата Карла и привези мнѣ отвѣтъ.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ Дызма въ глаза говорившему, но не посмѣлъ сказать слова.

— Ни одна живая душа не должна знать, куда ты ѣдешь: понимаешь? — Казиміръ такъ спѣшилъ, что прямо толкнулъ Дызму къ дверямъ.—Поѣзжай!

Все это должно было происходить въ величайшей тайнѣ, но черезъ полчаса, когда Бутлеръ прибылъ изъ Варшавы съ донесеніями, Казиміръ не могъ собою передъ нимъ тайны.

— Знаешь,—воскликнулъ онъ, отводя Бутлера въ сторону,— я сдѣлалъ глупость или разумный шагъ: надоѣла мнѣ эта опека королевы и канцлера; я захотѣлъ сдѣлать что нибудь самъ.

Бутлеръ, знающій неловкость своего государя, всплеснулъ руками.

— Я написалъ письмо къ Карлу.

— Но вѣдь вы его еще не послали!—тревожно спросилъ староста.

— *Alea jacta est...* письмо послано,—отвѣчалъ Казиміръ, прохаживаясь по комнатѣ.—Если и это не подѣйствуетъ на Карла, совѣсть моя будетъ спокойна.

Бутлеръ смолчалъ.

По его мнѣнію, это былъ невѣрный шагъ, и что еще хуже, сдѣланный самовольно, безъ вѣдѣнія королевы и канцлера, и могъ обидѣть ихъ обоихъ. Радзивиллъ не заслуживалъ того, чтобы его обходили.

На этотъ разъ однако все устроилось гораздо удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Братское письмо Казимира, почти даже нѣжное, пришло въ минуту окончательнаго изкуренія и упадка духа князя Карла. Въ этотъ же день ксендзь Заремба проболтался ему, что заявленіе, будто онъ самъ сядетъ на коня, было принято со смѣхомъ. Спокойные дни, проводимые за книгами, въ садикѣ, среди цвѣтовъ, пришли на память епископу. Онъ сталъ себя спрашивать, зачѣмъ ему понадобился этотъ облитый кровью терновый вѣнецъ. Онъ поколебался, всталъ на колѣни, началъ молиться, заплакалъ. У него всегда былъ бурный темпераментъ, но тщательно сдерживаемый; и теперь рѣшеніе отказаться отъ кандидатуры явилось неожиданно, какъ взрывъ. Онъ предпочиталъ уступить просьбѣ брата, чѣмъ настойчивымъ требованіямъ своихъ партизановъ.

Стжембошу приказано было ждать.

Отвѣтъ Карла звучалъ коротко и торжественно. Это уже не было письмо соперника, а какой-то болѣзненный крикъ христіанской души. Епископъ не ставилъ даже никакихъ условій.

Стжембошъ, получивъ отвѣтъ, поспѣшилъ съ нимъ въ

Непорентъ; а тѣмъ временемъ прїѣзжавшіе ежедневно въ Яблонную гости находили двери закрытыми. Имъ говорили, что князю Карлу нездоровится и онъ никого не можетъ принимать.

Высоцкій, который уже съ самаго утра ожидалъ денегъ, такъ какъ въ заѣзжемъ домѣ бочки и лари стояли пустые, получилъ приказъ—закрыть корчму и...положить конецъ всему. Напрасно онъ добивался увидѣть епископа. Капелланъ, по приказанію князя, повторилъ ему тѣ же распоряженія.

Въ Непорентѣ Бутлеръ съ безпокойствомъ высматривалъ Стжембоша; а что дѣлалось за это время томительнаго ожиданія съ Яномъ Казиміромъ, пойметъ вѣроятно только тотъ, кому случалось наблюдать подобные характеры. Онъ то становился на колѣни въ жаркой молитвѣ передъ образомъ Червенской Божьей Матери, то вскакивалъ, ходилъ, гонялъ слугъ, пилъ воду, вино, охлаждалъ себя и, почувствовавъ дрожь, согрѣвалъ. Изъ передней онъ постоянно то звалъ кого-нибудь, то выгонялъ. Кля́тву попугая, который кричалъ «подите прочь», закрыли, карлики должны были идти въ уголъ. Прибытіе Стжембоша, который самъ съ письмомъ вошелъ въ спальню, чуть-чуть не сдѣлалось причиной обморока; король взялъ его въ руки, положилъ на столъ и, не обращая вниманія на присутствіе Дызмы упалъ на колѣни на молитву. Потомъ взялъ бумагу, сломалъ печать, кинулъ на него взглядъ и крикъ радости вырвался у него изъ груди.

Онъ взглянулъ на Дызму.

— Богъ тебѣ заплатитъ, — воскликнулъ онъ, — иди и отдохни.

Въ эту минуту уже явился староста и съ удивленіемъ увидѣлъ сияющую фізіономію своего государя.

Казиміръ высоко поднялъ въ рукѣ письмо брата.

— А что?—вскричалъ онъ,—я никуда негоденъ? а? Нанекъ мнѣ нужно? Видите, безъ ихъ помощи, я самъ объяснился съ Карломъ.

— Поздравляю ваше королевское величество,—отвѣчалъ Бутлеръ,—что правда, то правда: это былъ очень удачный шагъ, если бы канцлеръ и королева не подготовили князя Карла...

— Перестань, на этотъ разъ—это уже мой собственный триумфъ,—прервалъ король.

— Которымъ, однако, надо подѣлиться съ Радзивилломъ и королевой, чтобы не оттолкнуть ихъ отъ себя.

— Я хочу отъ нихъ освободиться! — воскликнулъ Янъ Казиміръ. — Не давай мнѣ наставленій.

Бутлеръ замолчалъ.

Взрывъ своеволія и проявленіе собственной силы были уже неизбежны; староста предвидѣлъ послѣдствія этого, но хорошо зналъ своего государя, которому тщетно было бы противиться въ первыя минуты его увлеченія. Бутлеръ зналъ, что начатое такъ дерзко ни въ какомъ случаѣ не могло такъ продолжаться. Король о своихъ переговорахъ съ братомъ вовсе не далъ знать ни Радзивиллу, ни королевѣ, какъ-бы это по настоящему слѣдовало сдѣлать, хотя и могъ предвидѣть, что это будетъ ему поставлено въ укоръ. Въмѣсто этого онъ созвалъ Казановскаго, Оссолинскаго, Денгофа и нѣсколькихъ другихъ, чтобы переговорить объ условіяхъ.

Наканунѣ св. Мартына (10 ноября) канцлеръ литовскій такъ былъ занятъ сеймовыми и своими дѣлами, что не видѣлся ни съ королевой, ни съ Казиміромъ, и не предполагалъ даже, чтобы безъ него что-нибудь сдѣлали. Онъ зналъ, что былъ необходимъ, а въ королѣ онъ не предвидѣлъ этого стремленія вырваться на свободу. Марія Людовика тотчасъ же тайно была извѣщена объ объясненіи братьевъ и, зная натуру Казиміра, съ улыбкой приняла это извѣстіе и съ полнымъ хладнокровіемъ отдала соотвѣтствующія распоряженія.

Между тѣмъ въ Непорентѣ все было въ безпокойствѣ. Казиміръ, какъ каждый человѣкъ, чувствующій себя слабымъ, хотѣлъ вполовѣ воспользоваться случайно пріобрѣтенной побѣдой, сдѣлать это какимъ то блестящимъ, рѣшительнымъ доказательствомъ необыкновенной энергіи и ловкости. Поэтому онъ уже самъ, никого не спрашивая, велъ дѣло дальше.

Набожный князь Альбрехтъ въ день св. Мартына выходилъ изъ костела и собирался уже сѣсть въ карету, когда стоящій тутъ-же Денгофъ спросилъ его: поѣдетъ ли онъ въ Яблонную вмѣстѣ съ ними или пріѣдетъ позже?

— Я сегодня не собираюсь тамъ быть, — возразилъ канцлеръ.

— Какъ это такъ? Но вѣдь вы тоже принадлежите къ нашему посольству? — воскликнулъ Денгофъ.

— Какое посольство? Я ни о какомъ не слыхалъ! — сказалъ Радзивиллъ, поводя плечами.

— Можетъ ли это быть? — прервалъ Денгофъ. — Но вѣдь вы знаете, что король шведскій объяснился со своимъ братомъ и что князь Карлъ отказывается отъ кандидатуры? Насъ попросили заключить съ нимъ вступительныя условія, послѣ чего король уже самъ отправится въ Яблонную.

Пораженный этимъ извѣстіемъ и задѣтый имъ за живое, канцлеръ всталъ, какъ окаменѣлый.

Итакъ, онъ, который больше всѣхъ помогалъ Казимиру, который все это подготовилъ, склонилъ на его сторону королеву, облегчилъ ему отыскиваніе приверженцевъ, онъ оказался въ сторонѣ, умышленно забытый, обойденный! Дѣйствительно, можно было чувствовать себя до глубины души оскорбленнымъ подобнымъ поведеніемъ короля, а канцлеръ слишкомъ хорошо сознавалъ свою силу, чтобы тревожиться и напрашиваться самому. Черезъ минуту онъ уже совершенно хладнокровно отвѣчалъ Денгофу, что въ этотъ день онъ слишкомъ занятъ и не только въ Яблонную, но даже за городъ не можетъ выѣхать.

Канцлеръ не зналъ еще, какъ ему поступить, совершенно отступить отъ Казимира было уже слишкомъ поздно, напрашиваться же онъ тоже не хотѣлъ, да и не могъ.

Прямо изъ костела онъ поѣхалъ въ замокъ къ королевѣ, которая была увѣрена, что его увидитъ, и ожидала его. Она съ полнымъ хладнокровіемъ уже все рассчитала и нашла этотъ случай очень выгоднымъ для себя. Она была увѣрена, что за это бравированіе своею силой король шведскій скорѣе долженъ будетъ заплатить тревогой и колебаніемъ, которыми она надѣялась воспользоваться. Князь Альбрехтъ, не привышій къ тому, чтобы съ нимъ обходились съ пренебреженіемъ, все еще не могъ придти въ себя: до такой степени оскорбили его неблагодарность и дерзкое съ нимъ обращеніе короля. Это отражалось на его лицѣ, когда онъ, здороваясь съ королевой, думалъ, что онъ первый увѣдомитъ ее о поступкѣ короля шведскаго.

— Государыня, — сказалъ онъ, цѣлуя ей руку, — я прихожу сегодня съ новостью, которой бы никогда и ни за что не по-

вѣрилъ, если бы она, увы, не была слишкомъ вѣрной. Король шведскій...

Марія Людвики указала ему на стулъ.

— Я знала объ этомъ еще вчера, — сказала она, — онъ самъ обратился къ Карлу, а такъ какъ этотъ послѣдній былъ уже изнуренъ, то ему удалось его склонить. Онъ сдѣлалъ это, не спрашивая ни васъ; ни меня.

— Лучше того, — вырвалось у канцлера, — онъ послалъ сегодня отъ себя сенаторовъ для веденія переговоровъ объ условіяхъ, а мнѣ не далъ даже знать, обошелъ, оставилъ въ сторонѣ.

Марія Людвики весело засмѣялась.

— Мой князь, — проговорила она, — иначе и быть не могло: король чувствовалъ себя униженнымъ тѣмъ, что вы все за него обдумывали и дѣлали. Ему непременно захотѣлось сдѣлать что-нибудь и самому; ему удалось — и онъ безконечно радъ этому. Дадимъ ему позабавиться, — прибавила она съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія.

Радзивиллъ слушалъ, но видно было, что онъ не могъ такъ равнодушно, такъ хладнокровно отнестись къ этому оскорбленію, какъ королева.

Марія Людвики снова заговорила:

— Я увѣрена, что онъ скоро опамятуется и исправится, но надо дать ему почувствовать всю неблагодарность его поведенія. Мы имѣемъ право считать это за нарушеніе тѣхъ условій, которыя насъ съ нимъ связывали: итакъ, вы и я также чувствуемъ себя совершенно свободными и не обязаны такъ усердно поддерживать его и помогать ему. Я уже отдала соотвѣтствующія приказанія. На видъ ничего не измѣнится, но... но я должна отступить.

Канцлеръ былъ гвѣнецъ; радзивилловская гордость, значеніе его при дворахъ Сигизмунда III и Владислава, насмѣшки, которымъ онъ могъ теперь подвергнуться, не позволяли ему успокоиться.

— Что касается меня, — сказалъ онъ, — то я также не думаю теперь быть такимъ дѣятельнымъ и ретивымъ, какъ до сихъ поръ, если мои услуги отталкиваютъ и пренебрегаютъ ими: но я не могу сдѣлать этого, не объявивъ откровенно королю, что я обиженъ, что я глубоко оскорбленъ.

Королева взглянула на него.

— Поступайте, какъ вы найдете удобнѣе, — сказала она, — но позвольте мнѣ не обнаруживать передъ нимъ своей обиды. Я никогда не говорила съ нимъ откровенно и не чувствую себя обязанной къ этому. До сихъ поръ я помогала ему, но теперь я могу и отступить, тѣмъ легче, что онъ не будетъ нуждаться въ моей помощи. — Она какъ-то странно улыбнулась. — Я совершенно свободна, — прибавила она.

Канцлеръ сидѣлъ, задумавшись. Онъ думалъ о томъ, ка-кого государя готовили они себѣ этимъ выборомъ, теперь уже неизбѣжнымъ. Поступокъ короля какъ нельзя лучше обрисовывалъ его характеръ.

— Что же касается до послѣдствій этого, легкомысленнаго по отношенію къ вамъ шага, — сказала королева, — то я вполне увѣрена, что, едва успѣвъ сдѣлать это, едва дозволивъ себѣ это своеволие, король шведскій теперь уже беспокоится и жалѣеть. Если вы напишите ему, онъ самъ поспѣшитъ къ вамъ съ извиненіемъ.

— Быть можетъ, — отвѣчалъ Радзивиллъ, — но что это охладило меня и удержитъ отъ слишкомъ дѣятельнаго участія въ выборахъ, такъ это вѣрно.

— Князь, — воскликнула королева, — у насъ нѣтъ выбора: мы должны взять этого человѣка такимъ, какимъ онъ есть, такъ какъ ничто уже не можетъ его исправить; слабымъ онъ былъ — слабымъ и останется; это имѣетъ свою дурную и хорошую сторону: лучше всего то, что теперь мы уже знаемъ его... — Она вздохнула.

По возвращеніи домой, первымъ и самымъ спѣшнымъ дѣломъ для канцлера было продиктовать письмо къ королю шведскому, въ которомъ онъ поздравлялъ его съ счастливымъ окончаніемъ переговоровъ съ братомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно давалъ чувствовать, что человѣкъ, помогавшій этому и отстраненный въ послѣднюю минуту, имѣлъ полное право чувствовать себя оскорбленнымъ, такъ какъ люди могли это ложно объяснить себѣ. Гордость стараго, вѣрнаго слуги дома и магната, значеніе котораго въ Литвѣ и королевствѣ ни для кого не было тайной, сквозила въ каждой строчкѣ этого письма.

Тотчасъ-же отправили гонца въ Непорентъ, съ тѣмъ однако,

чтобы, отдавъ письмо, вовсе не дожидаться отвѣта и сейчас же ѣхать назадъ.

Королева поступила иначе и чисто по женски: она дала приказанія своимъ агентамъ.

Уже на другой же день король шведскій почувствовалъ, что у него не все идетъ какъ по маслу, какъ это было нѣсколько дней тому назадъ. Изъ Варшавы потребовали множества вещей, посланныхъ въ Непорентъ, которыя, какъ оказалось теперь, были собственностью королевы и теперь ей понадобились. Много слугъ исчезло и отказалось, возвращаясь въ Варшаву. Бутлеръ, болѣе чѣмъ когда-либо нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ теперь найти ихъ тамъ, гдѣ прежде съ легкостью одолжали. Словомъ, хоть на видъ ничто не измѣнилось, случилось то же, что съ немазанной телѣгой: колеса скрипѣли, но подвигались тяжело.

Бутлеръ не понялъ этого въ первую минуту. Стжембошъ, который наблюдалъ и замѣчалъ все, слыша его соболѣзнованія, разсмѣялся. Они были одни.

— Какъ-же вы, панъ староста, хотите, чтобы все у насъ шло гладко, когда до сихъ поръ намъ помогали и поддерживали изъ замка, а тутъ вдругъ, должно быть, вышли какія-нибудь новыя распоряженія, потому что все у насъ отнимають. Навѣрное знаютъ, что король уже помирился съ братомъ и не нуждается въ помощи.

Въ продолженіе одного дня эта переменна сдѣлалась такъ ощутительна, что дала себя почувствовать королю. Не хватило столоваго бѣлья и приборовъ для принятія гостей. Казиміръ узналъ объ этомъ, когда экономя королевы уже пріѣхалъ въ Непорентъ и захватилъ все, такъ какъ бѣлье понадобилось въ замкѣ. Кромѣ того, староста долженъ былъ признаться, что и съ деньгами произошли подобныя же затрудненія.

Ко всемъ этимъ заботамъ, такъ неожиданно упавшимъ на голову тріумфатора, присоединилось еще письмо Радзивилла, на которое не ждали даже отвѣта. Кто-нибудь другой на мѣстѣ Казиміра, съ большимъ запасомъ энергій и самоувѣренности, воспользовался бы своимъ освобожденіемъ и создалъ себѣ новое, независимое положеніе, но король шведскій испугался.

Сейчасъ-же, не откладывая, онъ написалъ Радзивиллу, оправдываясь недостаткомъ времени и стеченіемъ обстоятельствъ.

А такъ какъ въ числѣ бывшихъ въ этотъ день въ Непорентѣ гостей, которыхъ не чѣмъ и не на чемъ было принять такъ же роскошно, какъ прежде, — находился Любомірскій, родной братъ княгини Радзивиллъ, то король отвелъ его въ сторону и горячо началъ просить, чтобы онъ оправдалъ его передъ зятемъ, что Любомірскій и обѣщалъ исполнить, но не ручался однако за послѣдствія.

Канцлеръ уже не показывался болѣе въ Непорентѣ. Отношенія съ королевой, очевидно, также поколебавшіяся, сначала показались королю шведскому достиженіемъ желаемой цѣли. Онъ не былъ связанъ, освободился; ему уже не надо было ни жениться, ни поддаваться жевщницѣ, силы которой онъ такъ боялся. Онъ рассчитывалъ, быть можетъ, на то, что кто-нибудь отъ имени вдовы, — канцлеръ или кто-нибудь другой, — будетъ настаивать, напомнить ихъ условія съ Радзивилломъ: поэтому онъ приготовился оправдываться, но никто не являлся. Постепенно только, незамѣтно, таинственная помощь, которая все облегчала, такъ-же загадочно исчезла, какъ и явилась. Хлопоты Бутлера разбивались о глухоту и равнодушіе тѣхъ, которые прежде усердно ему помогали. Начали бороться противъ всего этого, но безуспѣшно, и въ нѣсколько дней силы короля были исчерпаны. Онъ выходилъ изъ себя, дѣлалъ выговоры старостѣ и совершенно палъ духомъ. Бутлеръ, который отчасти предвидѣлъ весь ходъ дѣла, на первый упрекъ Казимира, отвѣчалъ ему:

— Припомните, государь, что все это я вамъ предсказывалъ. Мнѣ не къ чему лицемѣрить. Съ королевой существовало нѣчто въ родѣ союза, заключеннаго при посредничествѣ канцлера; Радзивилла вы оставили съ носомъ, королева тоже поняла значеніе этого шага. Вы не желаете ея — она не чувствуетъ себя обязанной помогать вамъ. Вотъ и все.

— Но не могу-же я запродасть себя въ неволю, — гнѣвно восклицалъ Казимиръ. — Ты самъ видишь, въ чемъ тутъ дѣло: они желаютъ имѣть во мнѣ слѣпое орудіе, управлять мною, и это не кто другой, какъ именно она.

Староста молчалъ. Онъ давалъ королю время наохаться,

нажаловаться, заранее зная, что въ концѣ концовъ онъ уступитъ. Казиміръ оставался еще нѣкоторое время при сладкихъ мечтахъ о своей независимости; пробовалъ создать себѣ новый совѣтъ, собрать новыхъ людей; но оказалось, что всѣ они, виѣстъ взятые, не могли замѣнить опытнаго канцлера литовскаго. Отправленные къ Карлу сенаторы нашли его удивительно податливымъ. Казиміръ предлагалъ уступить ему два княжества Опась, Ратиборжь и два монастыря для покрытія понесенныхъ расходовъ. Епископъ принималъ это, не требуя ничего больше. Зналъ онъ, однако, мстительный и злопамятный характеръ брата и настаивалъ главнымъ образомъ на томъ, чтобы будущій король не мстилъ несправедливо тѣмъ, которые были противъ него и держали сторону Карла.

Король шведскій на первыхъ порахъ такъ былъ счастливъ короной, которую теперь почти уже имѣлъ на головѣ, что увѣрялъ всѣхъ, что даже именъ своихъ непріятелей не будетъ помнить. Для торжественнаго заключенія переговоровъ король самъ собирался въ Яблонную. На этотъ разъ онъ послалъ просить канцлера литовскаго, чтобы онъ сопутствовалъ ему, но Радзивиллъ, съ холодной улыбкой, отговорился подагрой и отказался пріѣхать.

VII.

— Слушай, Бутлеръ,—сказалъ черезъ нѣсколько дней король шведскій своему фавориту,—какъ ты полагаешь? что мнѣ теперь дѣлать? Королеву, какъ я тебѣ говорилъ, я боюсь, но что тутъ поможетъ страхъ, когда мы уже опутаны ея сѣтями?! Мы сидимъ, въ мѣшкѣ и чѣмъ сильнѣе стараемся вырваться, тѣмъ туже онъ затягивается. Что тутъ дѣлать?

— Сохрани меня Богъ, совѣтовать вамъ что-нибудь, государь,—отвѣтилъ Бутлеръ,—потомъ вся отвѣтственность пала бы на меня одного. Поэтому, я торжественно объявляю, что никакого совѣта вамъ не подамъ.

Король закусилъ губы и издалъ восклицаніе не особенно лестное для старосты, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ его.

— Я молился, прося Св. Духа вдохновить меня,— продолжалъ Казиміръ,— я не знаю, что мнѣ дѣлать. Никто, никто мнѣ руки не подаетъ. Радзивиля неумолимъ.

— Я и это предсказывалъ,— проворчалъ Бутлеръ.

Казиміръ разсердился.

— Да какой мнѣ толкъ изъ твоихъ пророчествъ,— воскликнулъ онъ.— Я нуждаюсь въ дѣльномъ совѣтѣ, а не въ какиихъ-то предсказаніяхъ.

Староста упорно молчалъ.

— Я тебѣ говорилъ,— снова началъ Казиміръ,— что эта ловкая, хитрая женщина лучше меня все это предвидѣла. Признаюсь, я хотѣлъ избавиться отъ нея, боялся женитьбы, но я думалъ высказать все это откровенно только потомъ, а между тѣмъ...

Король не окончилъ. Бутлеръ слушалъ, разсѣянно глядя въ окно,— это не было для него новостью.

— Съ ней будетъ жестокая, вѣчная борьба,— черезъ минуту сказалъ Казиміръ,— а у меня нѣтъ на это ни времени, ни средствъ. Дѣла государства запутаны, мнѣ надо помощниковъ, а не противниковъ.

— А королевой, какъ антагонисткой, нельзя пренебрегать,— сказалъ Бутлеръ,— потому что она имѣла время и возможность привлечь къ себѣ людей и у нея есть деньги.

— Которыхъ у меня не достаетъ,— прибавилъ король,— и у меня никогда ихъ не будетъ.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Бутлеръ, милый мой, будь ты мнѣ другомъ, прошу тебя! Двое всегда видятъ больше, чѣмъ одинъ. Что-нибудь да надо рѣшить.

— Да, а когда я сунусь съ совѣтомъ,— проворчалъ Бутлеръ,— то всѣ его послѣдствія падутъ на меня.

— Но какія дурныя послѣдствія можетъ онъ имѣть?

Староста замолчалъ и задумался.

— Государь,— началъ онъ,— помните, что я не даю своего собственнаго совѣта, но напоминаю вамъ только то, что ваше величество сами сначала рѣшили и общали жениться на вдовѣ королевѣ, что просьба объ этомъ послана уже въ Римъ. Затѣмъ въ васъ произошла рѣзкая перемѣна, явилось желаніе выпу-

таться. Вы отступили отъ королевы, она тоже отстранилась отъ васъ...

Янъ Казиміръ слушалъ.

— Итакъ, ничего не остается, — вздохнулъ онъ, — какъ, только склонить голову, признать себя виноватымъ?

— Нѣтъ, — замѣтилъ Бутлеръ, — можно все это объяснить недоразумѣніемъ; Радзивиллъ, какъ былъ посредникомъ, такъ, навѣрное, и останется.

— Ничего другого не остается! ничего! — воскликнулъ несчастный король, закрывъ себѣ лицо руками. — Закують меня въ цѣпи и поведутъ.

— Ваше величество можете быть увѣрены, что Марія Людовика въ стыдъ и срамъ не вовлечетъ: у нея слишкомъ развито честолюбіе.

— Это, безъ сомнѣнія, правда, — прошепталъ король, уже стараясь утѣшиться. — Это женщина необыкновеннаго ума и сердца! Она дала явные доказательства этого. Если бы ей вздумалось поддерживать Карла, я бы со своей бумажной шведской короной остался бы на бобахъ.

Бутлеръ кивнулъ головой.

— Значить, тутъ нечего и задумываться, — прибавилъ Казиміръ, стараясь убѣдить самого себя въ необходимости этого шага. — Поѣзжай, пожалуйста, къ канцлеру, скажи ему, что я убѣдительно прошу его пріѣхать въ Непорентъ къ обѣду. Пусть онъ самъ выберетъ себѣ день, лишь бы только поскорѣе. Дай ему понять, что тутъ дѣло идетъ о королевѣ, что я готовъ подписать обязательство, дать самое торжественное обѣщаніе, словомъ: поддаюсь. Не было и нѣтъ другого спасенія!

— Но, ради Бога, не надъ чѣмъ тогда и горевать! — воскликнулъ Бутлеръ. — Королева еще красива, не стара, умна, богата, создана самимъ Богомъ для трона! Вмѣсто того, чтобы искать другую и брать первую попавшуюся княжну, изъ которой еще Богъ знаетъ что выйдетъ, вы имѣете женщину, которую всѣ цѣнятъ и уважаютъ.

Послѣ этого разговора староста поѣхалъ въ Варшаву и навѣстилъ канцлера, который, увидѣвъ его, зналъ уже, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ принялъ его радушно, но самъ не начиналъ разговора. Бутлеръ долженъ былъ волей не волей,

отбросивъ всякую гордость, упрашивать его, отъ имени своего государя, пріѣхать въ Непорентъ, не скрывая того, что готовились важные и рѣшительные переговоры и что Казиміръ складывалъ свое оружіе передъ королевой.

День былъ назначенъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Радзивиллъ, всегда охотно принимаемый въ замкѣ, явился уже къ королевѣ, которая очень терпѣливо, съ полной увѣренностью ожидала раскаянія и возвращенія блуднаго сына.

— Буду по приглашенію въ Непорентъ, — сказалъ канцлеръ, — но на этотъ разъ не напрасно.

Марія Людовика немного сморщилась.

— Князь, — проговорила она, — я чувствую себя почти оскорбленной королемъ. Всѣ говорятъ, да онъ вовсе и не дѣлаетъ изъ этого тайны: онъ рассказываетъ всѣмъ, что боится меня. Я не была да и не буду такой Ксантиппой, которая могла бы возбуждаетъ страхъ, этотъ страхъ мнѣ обиденъ. Если король избавился отъ него, то я хочу быть увѣрена, что это чувство не вернется. На тайные переговоры я не могу полагаться, слѣдуетъ что-нибудь обдумать.

Князь Радзивиллъ прервалъ съ улыбкой.

— Но я привезу его къ ногамъ вашего королевскаго величества, кающагося въ своемъ грѣхѣ. Это не подлежитъ сомнѣнію. Я и ксендзъ де-Флери можемъ быть свидѣтелями торжественно даннаго слова, которое король не можетъ нарушить, а, кромѣ того, просьба о разрѣшеніи изъ Рима, хотя-бы она и не была необходима, будетъ письменнымъ доказательствомъ. Больше нельзя ничего требовать.

Молча согласилась королева, но вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Будемъ говорить откровенно, — сказала она. — Я имѣла время хорошо узнать Яна Казиміра и оцѣнить его достоинства: прежде всего большую и искреннюю набожность, благородныя стремленія, доброе сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское легкомысліе, недостатокъ настойчивости и постоянства. Затѣмъ, я знаю также, какую тяжелую задачу беру я на себя, защищая честь, достоинство и будущія судьбы Рѣчи Посполитой.

— Государство и мы сумѣемъ оцѣнить это, — сказалъ Рад-

живилъ. — Предоставленный самому себѣ, Янъ Казиміръ не справится въ такую тяжелую минуту, какую мы переживаемъ теперь. У насъ нѣтъ никого другого; это кровь королей нашихъ, предназначенная самимъ Богомъ.

Съ этого торжественнаго направленія, разговоръ перешелъ на дѣла обыденныя, которыя занимали сеймъ: войско, выборъ вождей, начальство, которое хотѣли вручить Іереміи Вишневецкому, опасенія и зависть, какія возбуждала уже добытая имъ слава.

Находились даже такіе, которые не только грозили имъ гетманомъ, но находили его опаснымъ даже для короля.

Съ другой стороны, ненависть, ярость Хмѣля и казаковъ противъ Іереміи доказывали какъ нельзя лучше, что одно его имя было для нихъ грозой и ужасомъ. Можно ли было оттолкнуть такое могучее орудіе?

Въ сеймѣ мнѣнія также дѣлились. Бисель, который лучше всѣхъ зналъ силы взбунтовавшихся казаковъ и татаръ, прежде всего требовалъ переговоровъ; другіе считали ихъ позоромъ и требовали побѣды, которая смыла-бы Пилавскій позоръ.

Начиная съ духовенства, всѣ спѣшили съ добровольными жертвами, принося Рѣчи Посполитой по нѣсколько сотъ людей, по нѣскольку тысячъ золотыхъ, сообразно со своимъ состояніемъ. Самъ Радзивиллъ уже увеличилъ число обѣщанной пѣхоты и конницы и объявлялъ, что готовъ отдать все до послѣдней рубашки.

— Я готовъ продать свои родовыя помѣстья, — говорилъ онъ публично. — Мнѣ опустошили Ольску. Богъ далъ — Богъ взялъ; послѣднимъ кускомъ хлѣба надо подѣлиться съ матерью.

Такъ говорили почти всѣ, за исключеніемъ маленькой горсти. Королева этому родовалась.

Въ условленный день канцлеръ явился въ Непорентъ, а король сердечнымъ пріемомъ старался загладить впечатлѣніе своей оплошности. Никто впрочемъ не былъ менѣе злопамятенъ, какъ Радзивиллъ, который и Владиславу не разъ давалъ доказательства своей снисходительности. Разговоръ дошелъ до королевы. Король съ жаромъ выразился, что желаетъ стереть всякіе слѣды недоразумѣнія и готовъ говорить откровенно, готовъ дать торжественное обѣщаніе.

— Положеніе того требуетъ, — сказалъ канцлеръ, — королева имѣетъ право требовать обезпеченія. Самое достоинство женщины вынуждаетъ ее.

Король шведскій поспѣшилъ увѣрить, что онъ готовъ на все, и признавалъ необходимость откровеннаго объясненія; Радзивиллъ шепнулъ ему, что подпись просьбы о разрѣшеніи брака могла бы служить письменнымъ доказательствомъ. И на это уже согласился Казиміръ.

Въ назначенный день, они должны были собраться съ канцлеромъ инкогнито, тайкомъ. День этотъ Казиміръ желалъ назначить какъ можно скорѣе.

Съ полнымъ спокойствіемъ, увѣренная въ себѣ, королева, сдѣлавъ нужныя распоряженія, ожидала важныхъ гостей. Одинъ только ксендзъ де-Флери, духовникъ Маріи Людвики, долженъ былъ быть свидѣтелемъ этого посѣщенія, которое рѣшало участь королевы и обезпечивало ея будущность.

Съ какимъ чувствомъ вошелъ король шведскій, который старался подъ радостной фізіономіей скрыть свое смущеніе, легко угадать. Онъ придавалъ себѣ мужества, но королева чрезвычайно ловкимъ, смѣлымъ и свободнымъ привѣтомъ, въ которомъ не было ни малѣйшаго признака обиды, ободрила его.

Радзивиллъ взялъ на себя повести разговоръ такъ, чтобы королю какъ можно легче было объясниться въ любви. Съ полнымъ хладнокровіемъ и самообладаніемъ, съ ловкостью женщины, которая воспиталась при дворѣ, Марія Людвика приняла объясненіе, обнаруживая передъ будущимъ супругомъ, который старался казаться влюбленнымъ, весьма умѣренную благодарность и чувство. Съ иронической улыбкой принимала Марія Людвика эти запоздалые вздохи и томные взгляды.

Ксендзъ де-Флери имѣлъ уже наготовѣ просьбу въ Римъ, которую король и подписалъ, не читая.

Такимъ образомъ, все окончилось благополучно. За ужиномъ по-итальянски, то есть состоящимъ изъ сладостей, холодныхъ закусокъ и вина, когда канцлеръ пилъ за здоровье ихъ обоихъ, Янъ Казиміръ съ рюмкой подошелъ къ Маріи Людвицѣ и поцѣловалъ ее въ плечо.

Разговоръ, нѣсколько оживленный шампанскимъ, перешелъ въ болѣе легкій тонъ и протянулся еще долго; но король дол-

женъ былъ возвращаться въ Непорентъ и поэтому, оставляя здѣсь канцлера, сѣлъ въ свою карету, ожидавшую его на дворѣ. Въ ту минуту, когда онъ уже собирался занять въ ней мѣсто, онъ оглянулся и увидѣлъ Стжембоша.

Какимъ образомъ его усики и лицо напоминали королю о Бертони и ея дочери, этого не надо объяснять; но что трудно понять, такъ это то, что ему вдругъ пришла фантазія въ обществѣ Стжембоша заѣхать въ старый городъ къ итальянкѣ.

Онъ былъ въ чрезвычайно веселомъ настроеніи духа, интересуясь увидѣть эту знаменитую красавицу Біанку, о красотѣ которой онъ столько слышалъ; притомъ шутка, которую собирался сыграть со старухой, привозя съ собой Стжембоша, очень ему нравилась.

— Слушай, Стжембошъ, — сказалъ онъ, наклоняясь къ нему, — что ты думаешь? Эта старая Бертони спитъ ужъ, улеглась въ кровать съ пѣтухами, пли?..

Дызма не далъ докончить.

— Государь тамъ иногда до полночи поютъ и играютъ. Казиміръ немного поколебался.

— Но если ты у меня пикнешь только, что я тамъ былъ...

Дызма уже шепталъ что-то кучеру и всталъ съ нимъ рядомъ, карета тронулась. На улицѣ царила тьма, но дорога была извѣстна, а отѣхавъ дальше, они могли зажечь факелы, которыхъ они имѣли у себя большой запасъ. Поступивъ опрометчиво, король начиналъ уже бояться, какъ-бы его не узнали; онъ уже готовъ былъ повернуть, но тщетно онъ звалъ Стжембоша, который такъ былъ проникнутъ своимъ счастьемъ, что не слышалъ голоса своего господина.

Карета остановилась, но король и не думалъ вылѣзть; онъ сначала выглянулъ изъ нея на этотъ домъ: во всѣхъ окнахъ верхняго этажа былъ свѣтъ.

— Стжембошъ! — воскликнулъ онъ, — ступай наверхъ и вызови ко мнѣ Бертони. У нея могутъ быть гости, а я не хочу, чтобы меня здѣсь видѣли. Скажи ей, что моя карета стоитъ у дверей.

Дызмѣ только того и надо было, чтобы его спустили съ цѣпи. Двери дома еще не были заперты и, хотя на лѣстницѣ царила тьма, онъ нашелъ дорогу. Кто знаетъ? — быть можетъ, онъ уже бывалъ здѣсь. Онъ постучался, но музыка не доз-

воляла слышать стук въ дверь, поэтому онъ долженъ былъ войти, чтобы не заставить короля долго ждать. Въ передней какъ разъ стояла расфранченная Бертони, разговаривая со служкой, когда на порогъ появился Стжембошъ.

Самъ дьяволъ, кажется, не могъ бы произвести на нее болѣе ужаснаго впечатлѣнія; она начала кричать благимъ матомъ, но Дызма подскочилъ къ ней.

— Король со мной! король! ради Бога! тише... король.

Изъ комнаты, въ которой веселились и пѣли, бѣжала встревоженная Біанка, съ какой-то подругой, но Бертони живо захлопнула двери подъ самымъ ихъ носомъ. Она такъ была смущена, разсержена, напугана, что сама не знала, что ей дѣлать. Стжембошъ, какъ неустрашимый посолъ своего господина, исполнялъ дальнѣйшее порученіе.

— Государь въ каретѣ, у вашихъ дверей. Кто знаетъ? Быть можетъ, онъ и оказалъ бы вамъ эту честь — зашелъ бы на минутку, но онъ не хочетъ, чтобы его видѣли и узнали.

Постепенно Бертони осваивалась съ тѣмъ, что такъ неожиданно поразило ее, и приходила въ себя. Многаго ей стоило разговаривать со Стжембошемъ, этимъ дерзкимъ нахаломъ, но она должна была.

— У меня кромѣ одной барышни, которая, навѣрное, никогда не видала короля, ну, да дочери, которая такъ давно не видѣла его, что не узнаетъ, — никого нѣтъ: пусть онъ зайдетъ. Бертони стояла обрадованная и вмѣстѣ съ тѣмъ злая. Лучше бы ей и не принимать и самого короля, лишь бы только не видѣть здѣсь у себя Стжембоша. Она была увѣрена, что Біанка увидѣла его, узнала и теперь смотритъ на него черезъ дырку отъ ключа.

— Король ждетъ, — прибавилъ Стжембошъ, — но на лѣстницѣ тѣна египетская: вѣдь не хотите же вы, чтобы онъ свернулъ себѣ шею? а къ такому гостю, я думаю, каждому можно выйти со свѣчей.

Ахъ, еслибы Стжембоша не было! Бертони была бы такъ шумно счастлива, что весь рынокъ стараго города узналъ бы объ этомъ. Она уже не смотрѣла на него. Врѣзала въ комнату, гдѣ смолкла музыка, схватила со стола канделябръ и обратилась къ дочери.

— Панъ воевода Мазовецкій оказалъ мнѣ такую честь, что зайдетъ сюда на минутку. Смотри, Біанка, не болтай. Никто не долженъ знать объ этомъ визитѣ. Понимаете, воевода...

Но хитрой дѣвушкѣ одинъ видъ Стжембоша объяснилъ многое, а торжественный пріемъ еще больше.

— Слушай,—шепнула она своей подругѣ,—клянусь, что это не воевода, а... я знаю, кто...

Она посмотрѣла на себя въ зеркалѣ, поправила волосы, обдернула платье и стала въ уголокъ, не забывая о томъ, чтобы уголокъ этотъ былъ ей къ лицу.

Между тѣмъ, все еще бормоча проклятія, Бертони сошла въ самый низъ, къ дверямъ, а Стжембошъ поспѣшилъ посадить короля изъ кареты. Янъ Казиміръ въ тотъ короткій, промежутокъ времени, когда Дызма былъ на верху, уже обдумалъ свой шагъ и раскаивался въ своемъ поступкѣ, который не подходилъ ни къ его достоинству, ни къ возрасту. Но ему пришла въ голову французская пословица о винѣ, которое надо было выпить.

Призракъ старой Бертони стоялъ въ дверяхъ, ожидая его; онъ долженъ былъ войти наверхъ.

— У меня только пять минутъ свободнаго времени,—прошепталъ король,—но... жажда томить меня, мнѣ надо было выпить вина съ водой... поэтому... Онъ путался, торопясь на лѣстницу, которой не могъ найти; Стжембошъ взялъ его подъ руку, итальянка пошла впередъ. Она обернулась къ королю.

— Біанкѣ я сказала, что воевода Мазовецкій,—прошептала она.

Стжембошъ фыркнулъ, потому что между королемъ и воеводой не было ни малѣйшаго сходства, а что еще хуже—Біанка часто встрѣчала воеводу и знала его въ лицо.

Довольно безпокойный, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно заинтересованный, Казиміръ вошелъ въ гостиную, осматриваясь вокругъ. Оставшіяся двѣ свѣчи довольно слабымъ свѣтомъ обливали обѣихъ дѣвушекъ, стоявшихъ и хохотавшихъ въ углу. Король направился прямо къ нимъ. Красота Біанки, свѣжесть и молодость ея подруги произвели на него такое впечатлѣніе, какое производитъ иногда ароматъ цвѣтовъ на тѣхъ, которые

долго не дышали свѣжимъ воздухомъ. Онъ остановился. Стжембошъ вдали отъ порога также стрѣлялъ глазами въ свою царицу. Дѣвушки все хихикали, прячась одна за другую. Съ минутою полюбовавшись картиной, какую онъ видѣлъ передъ собой, король со вздохомъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и упалъ на стулъ.

Изъ другой комнаты, при помощи слуги, Бертони несла на роскошномъ серебряномъ подносѣ золоченый боченокъ съ виномъ, стеклянный стаканъ съ водой и кубки; сахаръ, лимонъ и апельсинъ лежали на подносѣ. Все это она поставила передъ королемъ, который между тѣмъ не сводилъ глазъ съ Біанки.

— Мнѣ некогда, — шепнулъ ей король, — пусть бы она спѣла только одну пѣсенку, мнѣ хочется послушать ея голосъ.

— И спѣть и протанцевать могла бы, — прервала Бертони — но... время ли это? Я не приготовилась. Если бы вы мнѣ дали знать!

— Бертони, пять минутъ тому назадъ я самъ не зналъ, что сдѣлаю эту глупость, — засмѣялся король, — но всему виной Стжембошъ. Какъ началъ меня просить, молить, умолять!.. а я питаю къ нему слабость.

У итальянки глаза засверкали гнѣвомъ.

— Ну, пусть Біанка запоетъ, — торопилъ король.

— Но прикажите ему выйти въ переднюю, — прервала Бертони.

— Кому?

— А этому нахалу, — сказала итальянка, — я на него смотрѣть не могу.

— Да, но безъ него я не могу обойтись, это моя стража, онъ долженъ стоять у порога.

Бертони могла выходить изъ себя и злиться, такъ какъ действительно Дызма, не теряя времени, пожиралъ глазами дѣвушку, которая отвѣчала бойкими, дѣтски-наивными взглядами. Балованная Біанка не боялась ни матери, ни кого-либо другого. Она охотно согласилась спѣть. Мать подала ей цитру. Біанка пробѣжала по ней пальцами, посмотрѣла на Стжембоша, обратилась къ королю и запѣла соловьинымъ сопрано свою любимую пѣсню. О чемъ-же можетъ пѣть итальянская пѣсенка?

Основа ея — вѣчная, умирающая и возрождающаяся любовь, на которой вращается вся жизнь человѣческая.

Янъ Казиміръ забылся, не спуская съ нея глазъ, и Дызма, который никогда не слыхалъ этого голоса, окаменѣлъ отъ восторга и восхищенія.

Бертони, стоя рядомъ съ дочерью, сіяла гордостью, счастьемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пылала гнѣвомъ. За такую жемчужину, какъ она называла свою дочь, смѣлъ свататься какой-то выскочка, правда, придворный короля, но ничтожный, бѣдный шляхтичъ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжалась бы эта странная сцена, если бы Яну Казиміру не вспомнилось вдругъ грозное лицо Маріи Людвики. Онъ поспѣшно допилъ вино и подошелъ къ Біанкѣ, которую фамиллярно взялъ за подбородокъ и, снявъ съ пальца перстень — это была еще память французскаго заключенія въ Систеронъ — протиснулъ съ раскраснѣвшей пѣвицей, поклонился матери, безъ церемоніи одѣлъ шляпу на голову и поспѣшилъ къ дверямъ.

Въ ту минуту, когда Бертони хваталась за канделябръ, левый Дызма проскользнулъ за ея спиной и въ одно мгновеніе, схвативъ ручку Біанки, прижавъ ее къ устамъ, шепча что-то непонятное. Дѣвушка какъ-будто бы отступила передъ такимъ нападеніемъ, но не очень была испугана.

Они шли уже къ дверямъ, потому что король, недовольный самимъ собою за свою слабость и опрометчивость, радъ былъ какъ можно скорѣе вырваться отсюда. Онъ тогда только вздохнулъ свободнѣе, когда снова очутился въ своей каретѣ, и вѣрный своему характеру, заключилъ свой необдуманнѣйшій шагъ тѣмъ, что набожно перекрестился и ударилъ себя въ грудь.

Казиміръ вовсе не предвидѣлъ тѣхъ хлопотъ, которые онъ надѣлалъ себѣ, сворачивая къ Бертони. Староста Бутлеръ, который зналъ, что король долженъ былъ ночью возвращаться въ Непорентъ, въ сопровожденіи одного кучера, Стжембоша и двухъ пажей, очень беспокоился за него. Это время выборовъ наполнило окрестности, предмѣстья и самый городъ пьяной шляхтой, солдатами разныхъ дворовъ, которые чуть не каждый день позволяли себѣ разныя буйства. Опасаясь за короля, Бу

лерь приготовился выѣхать ему на встрѣчу. Между тѣмъ стемнѣло, настала ночь, а короля все нѣтъ, какъ нѣтъ. Выведенный изъ терѣвня, Бутлеръ начиналъ догадываться, что король, быть можетъ, поѣхалъ по другой улицѣ, хотя это было совершенно неправдоподобно, и разослалъ людей на развѣдки. Только уже далеко за предмѣстьями Бутлеръ по какому-то инстинкту догналъ ѣхавшихъ. Король узналъ его голосъ, высунулся изъ кареты и вмѣсто всякаго объясненія своего поздняго возвращенія, проговорилъ ему:

— Меня задержали въ замкѣ.

Быть можетъ, староста и повѣрилъ бы этому, если бы при свѣтѣ факеловъ не замѣтилъ иронической улыбки на устахъ Дызмы.

— Гдѣ же вы были?—спросилъ Бутлеръ, нагибаясь къ Стжембшю, но тотъ приложилъ, вмѣсто отвѣта, палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.

У старосты мурашки забѣгали по тѣлу, онъ испугался. Зная короля, онъ могъ ожидать у него самой эксцентричной выходки. Въ другое время она не имѣла-бы значенія, но теперь... когда на будущаго государя были обращены взоры всѣхъ! Хотя и не было большого преступленія въ легкомысленной выходкѣ короля, но злые языки могли сдѣлать изъ этого Богъ знаетъ что, лишь бы оттолкнуть отъ него королеву.

На другой день, вставъ въ сквернѣйшемъ настроеніи духа, король послѣ службы, совершенной капелланомъ, и послѣ завтрака, разобравъ кровавую ссору между карликами, отвелъ Бутлера въ сторону и признался ему, что онъ чувствовалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. То, что вчера казалось ему розовымъ, теперь представлялось ему ужасно мрачнымъ. Королева показалась ему какимъ-то желтымъ привидѣніемъ, а что еще хуже—деспотичной.

— Государь,—сказалъ Бутлеръ:—теперь ужъ поздно горевать о томъ, что было неизбежно. Королева, правда, какъ каждая женщина, захочетъ властвовать, но ваше королевское вѣщество, сумѣете дать ей отпоръ...

Въ сеймѣ извѣстіе о примиреніи братьевъ и добровольнымъ отказѣ Карла отъ короны въ пользу своего брата, не произвело того впечатлѣнія, какого можно было бы ожидать.

Нѣкоторые считали это стѣсненіемъ свободы Рѣчи-Посполитой, но на недовольныхъ мало обращали вниманія. Выборъ былъ теперь только простой формальностью, потому что съ минуты примиренія онъ не подлежалъ никакому сомнѣнію. Дѣло шло только о тѣхъ условіяхъ, которыя собирались предложить королю. Въ примѣръ взяли Владислава. Казимира уже всѣ называли королемъ; ему не надо было уже сидѣть въ тѣсномъ Непорентѣ, поэтому онъ сейчасъ же переѣхалъ въ Варшаву.

Здѣсь, въ замкѣ, онъ едва могъ защититься отъ наплыва гостей, заранѣе желающихъ снискать себѣ расположеніе своего будущаго государя; онъ ни на минуту не имѣлъ отдыха и отъ королевы, которая по нѣскольکو разъ въ день добивалась свиданія съ нимъ, въ чемъ онъ не могъ ей отказывать.

Для человѣка, который не могъ долго сосредоточить мысли даже на самомъ серьезномъ предметѣ, котораго каждое усиліе утомляло, а привычка дѣлала мягкимъ,—настоящее положеніе было ужаснымъ мученіемъ. Дѣла чрезвычайно важныя и спѣшныя король сваливалъ на обоихъ канцлеровъ, стыдясь вмѣстѣ съ тѣмъ своей неспособности. Казалось, и королева безпокоилась о его поведеніи въ такомъ положеніи, боялась ошибки, проявленія какой-нибудь слабости. Поэтому она часто призывала его къ себѣ подъ разными предлогами. Она брала на себя самую трудную задачу: передѣлать человѣка, уже немолодого, съ устарѣвшими недостатками. Она надѣялась однако, что искра рыцарства и природная гордость сдѣлаютъ изъ него вождя. Такимъ только хотѣла она его имѣть.

Королева постоянно настаивала на одномъ.

— Государь! все складывается какъ нельзя лучше,—говорила она.—Не отдавай никому гетманства надъ войсками, оставь за собой верховную власть,—иди самъ, веди! Достаточно будетъ одного слуха: король во главѣ! чтобы чернь затрепетала... Ты покроешь себя славой... Я это чувствую... война—война... всѣ силы надо употребить на нее.

Это льстило Казимиру, который жадно схватился за мѣ королевы, но въ его устахъ она приняла другой видъ, облась въ другую форму:

— Чудотворную икону Червенской Божьей Матери возьми съ собой въ походъ,—съ жаромъ говорилъ онъ.—Прикаж

пѣть старую „Богородицу“. Каждый день обѣдня и передъ битвой исповѣдь. Надо пробудить религіозный духъ.

Марія Людвика, также набожная, ничего не имѣла противъ этого, но стремилась прежде всего пробудить рыцарскій духъ. Король обнаруживалъ сильное воодушевленіе; объявлялъ, что пойдетъ впереди, что готовъ сражаться какъ простой солдатъ.

— Остальные дѣла, государь, — вѣрьте мнѣ, — вы смѣло можете довѣрить опытнымъ совѣтникамъ, каковы оба канцлера. На твоёмъ попеченіи должно быть войско... сборъ людей... и выступленіе на поле битвы... Ты приобретешь славу возродителя отечества.

Сколько разъ ни приходилъ Казиміръ къ королевѣ, всегда слышалъ только это — и наконецъ весь проникся этимъ рыцарскимъ духомъ. Королева была такъ воодушевлена, что, казалось, готова была сама пойти съ нимъ на войну. Ничто ее не страшило — она была увѣрена въ побѣдѣ.

Тѣ, которые раньше знали короля, какъ, напримѣръ, Бутлеръ, сейчасъ-же, послѣ первыхъ-же дней почувствовали могущественное на него вліяніе Маріи Людвики. Яну Казиміру этотъ рыцарскій ореолъ придавалъ нѣкоторое обаяніе.

Въ Польшѣ, въ особенности, такой король не пользовался бы расположеніемъ среди народа, который не могъ быть въ одно время и вождемъ, и солдатомъ.

Итакъ, Марія Людвика не безъ причины желала сдѣлать изъ своего мужа рыцаря, и онъ самъ, казалось, признавалъ эту метаморфозу необходимой. До сихъ поръ его оружейная была такъ незначительна, что не знали, гдѣ ее искать, когда онъ спросилъ объ ней, но отъ Владислава осталось много изящнаго и роскошнаго оружія, шлемы, щиты, панцири, которые хотя и не приходились въ пору болѣе худому и низкому королю, но этому легко можно было пособить.

Однажды утромъ, Бутлеръ получилъ приказаніе осмотрѣть оружейную. Собственного у Яна Казиміра не было почти ничего, такъ какъ по возвращеніи изъ Рима онъ не заботился объ этомъ; кромѣ нѣсколькихъ шпагъ, которыя онъ носилъ у пояса, другаго оружія не было, поэтому надо было черпнуть изъ братниаго наслѣдства, чтобы только не покупать. Надо

было также собрать на совѣтъ старшихъ военныхъ, такъ какъ король не имѣлъ никакой опытности.

Все утро тянулось совѣщаніе, ибо вечеромъ Казиміръ хотѣлъ успокоить королеву, что онъ имѣлъ уже наготовѣ военные приборы. Пробовали щиты, кольчуги, шишаки, мечи, даже булавы, изъ которыхъ одну король долженъ былъ носить въ торжественныхъ случаяхъ. Молча онъ позволялъ одѣвать себя въ кафтаны и раздѣвать, но находилъ, что все это вооруженіе было изрядно тяжело и затрудняло движенія.

Старый дворъ короля, который видѣлъ его въ кардинальской пурпуровой мантии, въ черной длинной монашеской рясѣ, въ свѣтломъ заграничномъ костюмѣ, съ улыбкой смотрѣлъ теперь на государя, который долженъ былъ преобразиться въ закованнаго въ желѣзо богатыря...

VIII.

Утро 20 ноября было холодное и вѣтряное. Порошилъ снѣгъ; значительная часть старшихъ сенаторовъ и утомленныхъ денными и ночными сеймами пословъ сидѣли дома. Каждый посматривалъ въ окно... Э, однимъ меньше, однимъ больше! Обойдутся тамъ и безъ меня... Поэтому утромъ только маленькая горсть очутилась подъ кровлей. Торопились съ подачей голосовъ, чтобы хоть разъ положить конецъ всѣмъ неурядицамъ. Къ счастью, небо стало проясняться, шляхта собиралась. Король, который для торжественнаго вѣзда послѣ выбора ожидалъ со своимъ дворомъ за городомъ, услышалъ наконецъ около полудня грохотъ пушекъ, который возвѣстилъ ему, что на полѣ пѣли уже *Te Deum*!

Каждую минуту прибѣгали съ поздравленіями паны, которые должны были сопровождать короля при торжественномъ вѣздѣ. Среди нихъ король могъ насчитать пятерыхъ вѣрныхъ ему Радзивилловъ. Среди радостныхъ кликовъ всѣ сѣли на коней. Вся дорога до города и до костела была занята любопытными толпами народа. Янъ Казиміръ ѣхалъ сіяющій, съ видомъ побѣдителя.

Въ дворцовой палаткѣ, за занавѣсками, стояла королева, которая на этотъ день, по обычаю французскихъ королевъ, перемѣнила черный трауръ на бѣлый. Она смотрѣла и слезы застилали ея взоры. Теперь, когда выборъ уже совершился, изъ разныхъ источниковъ узнавали, что Ракочій семиградскій имѣлъ за собой значительную партію и только ловкія интриги королевы обезпечили за Казиміромъ корону.

О бракѣ официально еще не было объявлено, на это требовалось согласіе сената, хотя оно было несомнѣнно. Между тѣмъ назначили уже погребеніе Владислава въ Краковѣ 15 января, послѣ чего должна была совершиться коронація.

Маленькій отдыхъ дали теперь Казимиру, который ежедневно видѣлся съ королевой и питалъ къ ней тѣмъ большую благодарность и почтеніе, чѣмъ сильнѣе ея боялся. Онъ возвращался отъ нея то въ восторгѣ, то со страхомъ. Бутлерь долженъ былъ выслушивать отъ него попеременно: то чрезвычайныя похвалы,—то тихое ворчанье.

— Ахъ, если-бы я могъ отъ нея освободиться!

Разговоры о войнѣ, которая казалась королевѣ единственнымъ средствомъ спасенія, начали утихать. Короля уговорили, чтобы, съ цѣлью выиграть время, онъ отправилъ къ казачеству письма—и они, казалось, подѣйствовали. На самомъ-же дѣлѣ Хмѣлю самому надо было организовать и привлечь къ себѣ татаръ. Казаки громко кричали, что оказали снисхожденіе Рѣчи-Посполитой, уступая просьбѣ короля. Можно себѣ представить, какъ эта просьба пришлась по вкусу шляхтѣ. Тяжелыя условія, которыя налагали казаки, не давая со своей стороны никакого обезпеченія мира, заставляли ожидать, что кроваво рѣшится это дѣло, въ которомъ Хмѣль съ черныю были гораздо болѣе увѣрены въ союзникахъ, чѣмъ осиротѣлая Рѣчь-Посполитая.

Наконецъ, въ январѣ король сталъ собираться въ Краковъ; королева, больная и грустная, оставалась въ Варшавѣ. Въ послѣдніе дни она старалась вдохнуть въ Казимира мужество и настойчивость, а король, нѣжный и послушный, обѣщалъ ей все, чего она хотѣла. Однако онъ вырвался изъ-подъ ея надзора, радуясь своему освобожденію, и не скрывалъ этого отъ старосты.

Побѣдка въ Ченстохово была совершена благополучно, хотя

и не съ такой торжественностью, какъ прошлыхъ государей. Всѣ обряды были исполнены по установленному обычаю, не пропустили ничего; но тѣ, которые помнили прежнія времена, съ горестью видѣли, что стража, городъ, дворъ, всѣ холодно, безъ всякаго жара принимали участіе во всемъ этомъ.

Кричали, — *Vivat!* а грудь вторила: — неотмщенные Пилавцы! Постыдно бѣжавшее войско, взятые въ плѣнъ гетманы, казачество и хлопы на шеѣ, съ угрозами!

Единственный вожь, котораго боялись бунтовщики, единственный мужъ, который, быть можетъ, могъ тогда спасти Рѣчь Посполитую, Іеремія Вишневецкій, счастье и слава котораго во всѣхъ возбуждали зависть, получилъ во время коронаціи предупрежденіе, что булава и главное начальство надъ войскомъ не будутъ въ его рукахъ!

Когда, во время погребенія Владислава, ломали древко королевской хоругви, и обломокъ! ея, какъ знакъ вождя, принадлежалъ Вишневецкому, онъ потянулся за нимъ; но Янъ Казиміръ, въ которомъ умышленно возбудили зависть, предупрежденный объ этомъ обычаѣ, поспѣшилъ отдать этотъ обломокъ своему дворецкому Стжембошу. Это можно было назвать ошибкой, забывчивостію, но это было обидой, которую повидимому глубоко почувствовалъ Вишневецкій. Едва только прогремѣли коронаціонные крики, и сенаторы собрались на совѣтъ, какъ снова загудѣли голоса: Пилавцы! наказаніе бѣглецамъ!

Король относился ко всему довольно нейтрально. Наконецъ, друзья Маріи Людвики улучили удобную минуту, чтобы возбудить вопросъ о королевскомъ бракѣ. Янъ Казиміръ сильно желалъ, чтобы сенатъ, на основаніи близкаго свойства, воспротивился этому браку, но случилось иначе.

Королева была здѣсь сильнѣе его, и папская грамота была уже въ дорогѣ, и такимъ образомъ даже тѣ, которые сначала сопротивлялись браку, должны были замолчать. Король, хотя и огорченный этимъ, представлялся обрадованнымъ. Почти каждый день письма королевы доставляли ему указанія, какъ ему слѣдовало вести себя. Эта неволя возмущала его, но онъ слушалъ, потому что то-же, что и письма королевы, приносили ему Оссолинскій и Радзивиллъ.

Выраженіемъ безвыходной нужды было требованіе короннаго маршала: онъ требовалъ войска, пожертвованій и сильнаго вооруженія государства. Не одни казаки грозили. Ракоцій угрожалъ наѣздомъ, шведы съ нѣмцами легко могли воспользоваться ослабленіемъ Польши, наконецъ татары и турки тоже не могли равнодушно смотрѣть на эту добычу, которую вырвали у нихъ изъ рукъ.

Янъ Казиміръ кричалъ о войскѣ, но на чудотворныя иконы возлагалъ еще большія надежды, чѣмъ на него, и онъ былъ правъ, потому что надо было дѣйствительно чудо, чтобы привести въ порядокъ весь этотъ хаосъ...

Король рассчитывалъ на то, что одно его имя произведетъ тревогу; онъ готовъ былъ встать во главѣ войска и раздавить этихъ бунтовщиковъ, которые тѣмъ временемъ съ неслыханной дерзостью издѣвались надъ прежними панами. .

Среди этихъ совѣщаній вдругъ пришло извѣстіе изъ Варшавы, что королева сильно заболѣла. Король, утомленный уже Краковымъ, повидимому радъ былъ вырваться оттуда.

Пребываніе Казимира въ старой столицѣ доставило любопытнымъ много матеріала... указаній, для отгадыванія будущаго. Это именно было характеристической слабостью той эпохи, когда настойчиво требовали отъ астрологовъ, отъ людей набожныхъ, отъ предсказателей различнаго рода объясненій тайнъ будущаго. Каждый старался узнать, что предсказывало ему его рожденіе, такъ какъ не сомнѣвались, что на звѣздахъ написаны были приговоры неизбежнаго рока. Во время пребыванія короля, пожаръ замка въ самый день коронаціи также не могъ остаться безъ объясненія. Вечеромъ, когда всѣ уже разошлись по своимъ квартирамъ, а въ городѣ въ нѣкоторыхъ дворахъ устраивались фейерверки въ честь вновь коронованнаго, тутъ же рядомъ съ его спальней, гдѣ онъ въ эту минуту спалъ, начался пожаръ. Король проснулся, но въ первую минуту трудно было даже дозваться прислуги разбѣгающейся по разнымъ мѣстамъ и пьянствовавшей... Прибѣжалъ только Оссолинскій, и пожаръ вскорѣ былъ потушенъ. Канцлеръ имѣлъ настолько сообразительности и присутствія духа, чтобы объяснить встревоженному Казимиру, что этотъ

пожаръ—добрый знакъ; но въ городѣ всѣ считали это за *malum omen*.

Во время пути въ Варшаву надо было остановиться для перепряжки лошадей и для отдыха. День былъ прекрасный. Казиміръ вышелъ на крыльцо священническаго дома, въ которомъ принималъ его пробощъ. Только нѣсколько шаговъ отдѣляли его отъ маленькой деревенской церкви, на порогъ которой онъ увидѣлъ какого-то человѣка, выглядѣваго очень странно. Онъ показался ему нищимъ. Однако онъ не всталъ въ присутствіи короля и этимъ возбудилъ любопытство послѣдняго. Мужчина былъ огромнаго роста, сильный, съ головой, покрытой густыми, начинающими сѣдѣть волосами, съ впалыми глазами и густыми бровями. Его покрывало что-то въ родѣ монашеской рясы, подпоясанной веревкой, на которой висѣли простыя деревянные четки. Это былъ тотъ самый старикъ Бояновскій, котораго мы видѣли въ заѣзжемъ домѣ князя Карла надъ Вислой. Путь его лежалъ теперь изъ Ченстохова въ Краковъ и случайно онъ зашелъ въ костель какъ разъ въ то время, когда король вѣзжалъ во двореъ.

Янъ Казиміръ приблизился къ нему... Бояновскій не пошевельнулся. Янъ Казиміръ долженъ былъ первый съ нимъ поздороваться: «Да хвалите имя Господне!» Мнимый нищій наклонилъ голову и пробормоталъ отвѣтъ; однако онъ не вставалъ и, казалось, не обнаруживалъ особеннаго желанія разговаривать. Это еще болѣе заинтересовало короля; онъ потянулся было за мѣшкомъ, чтобы подать милостыню, но Бояновскій, отгадавъ это движеніе, воскликнулъ:

— Я не нищій; въ милостынѣ не нуждаюсь.

— Кто же ты?

— Грѣшникъ, какъ и ты.

Въ это время Стжембошъ, который стоялъ вдали и не зналъ старика, думая, что онъ долженъ предостеречь его, съ нѣмъ онъ говоритъ, подбѣжалъ, наклонился и шепнулъ ему:

— Это король!

— Я это знаю,—вслухъ произнесъ Бояновскій совершенно равнодушнымъ тономъ.

Янъ Казиміръ, услышавъ предупрежденіе и отвѣтъ, почувствовалъ себя задѣтымъ за живое.

— Такъ что вы ни во что ставите короля? — проговорилъ онъ, подходя.

— Я каждый день имѣю дѣло съ Царемъ царей, — отвѣчалъ старикъ, не вставая, — что же для меня значить твое земное величіе? Я гляжу на тебя и жалѣю тебя, потому что со своей короной ты бѣднѣе самаго бѣднаго изъ твоихъ подданныхъ. Ты козелъ отпущенія, который будетъ страдать за грѣхи тысячъ людей и за свои собственные, не только при жизни, но и вѣчно. Терніемъ тебя вѣнчали, тростникъ-камышъ дали тебѣ въ руки вмѣсто скипетра, а твоя пурпурная мантия обогрена кровью; кровь высохнетъ — и она станетъ черной. Да, ты хотѣлъ быть королемъ и теперь король, но не умрешь имъ... Ты король, достойный этого царства гнили, порчи и грѣха! Горе тебѣ и твоему королевству!

Янъ Казиміръ слушалъ, блѣднѣя. Привыкшій уважать и почитать людей благочестивыхъ, онъ видѣлъ въ этомъ незнакомомъ старцѣ какое-то существо не отъ міра сего.

— Знаю, — проговорилъ онъ послѣ раздумья, — что Богъ призывалъ меня въ несчастный часъ, но я не въ себя вѣрю: я вѣрю въ Провидѣніе и помощь Божью, въ милосердіе Господне.

Бояновскій тряхнулъ головой.

— Запятнанныхъ грѣхами Богъ не можетъ воодушевить, а ты и эта страна не смыли своихъ грѣховъ. Молитвой не упросите Бога, ни жертвой изъ вашихъ нечистыхъ рукъ... Сердца ваши испорчены и остыли. Дикихъ звѣрей выпустили на насъ мстительный Іегова, которые будутъ терзать васъ и проливать вашу кровь, пока вы не исправитесь и не покаетесь. Горе тебѣ и твоему королевству!

Король не смѣлъ слова сказать. Молчаніе продолжалось довольно долго; наконецъ Казиміръ проговорилъ пониженнымъ голосомъ.

— Молитесь за меня и за всѣхъ.

— Молюсь и каюсь за свои грѣхи и за ваши, — отвѣчалъ Бояновскій, — но Богъ глухъ, не внимлетъ просьбамъ вашимъ, потому что вы не перестаете грѣшить. Онъ унижилъ васъ, сломилъ, смялъ, кровь лилась ручьями, невольники ваши сдѣлались вашими господами; они издѣваются надъ вами — а вы?

пируете и грозите... и въ пустыхъ рѣчахъ умоляете Бога, чтобы Онъ пошелъ за васъ и разогналъ непріятелей и далъ вамъ въ руки легкую побѣду. Терпѣливъ былъ Господь, но настало наконецъ время Божьей кары. У васъ были пророки, которые вамъ предсказывали, — вы не вѣрили имъ; были знаки на землѣ и на небѣ — и вы были слѣпы; настала кара... и вмѣсто покаянія у васъ на устахъ проклятія и жалобы. Горе тебѣ, король, и твоему королевству!

Пока Бояновскій говорилъ, почти не глядя на короля, а Янъ Казиміръ, опомнившись отъ страха, оскорбленный неуваженіемъ къ своему сану, уже начиналъ терять терпѣніе и думалъ только какъ бы ему уйти отсюда, — мѣстный священникъ боязливый старичекъ, который подоспѣлъ къ послѣднимъ словамъ Бояновскаго и слушалъ ихъ, испуганный, началъ старику дѣлать изъ-за спины короля знаки, чтобы онъ замолчалъ.

— Не затыкай мнѣ ротъ, обратился къ нему старецъ. — Не отъ кого ему теперь услышать правду. Въ проповѣдяхъ ему будутъ лстить... у алтаря благословлять: а онъ грѣшникъ, какъ и мы, и хуже насъ, потому что онъ и грѣхи его должны служить намъ примѣромъ. Онъ присягалъ Богу и не сдержалъ: теперь присягнулъ королевству и не выдержать до конца.

Король обратился къ священнику.

— Онъ безумный! — пробормоталъ онъ.

Въ Варшавѣ короля ожидали неутѣшительныя вѣсти. Правда, Марія Людвика встала съ постели и чувствовала себя гораздо лучше, но казацкая буря, несмотря на снисходительность пословъ, отправленныхъ къ Хмѣльницкому, не была усмирена. Дерзкій Хмѣль не хотѣлъ выдать узниковъ; надъ послами издѣвались словомъ и дѣломъ, Кисель, подозрѣваемый съ обѣихъ сторонъ, сдѣлался настоящимъ мученикомъ изъ любви къ Рѣчи Посполитой. Хмѣль называлъ его предателемъ Руси, Поляки — предателемъ Польши: все-таки онъ не переставалъ работать и по крайней мѣрѣ выпросилъ перемиріе, положивъ границей — Горынь!

Янъ Казиміръ два раза, одинъ за другимъ, посѣтилъ чудотворную икону въ Червенскѣ, помня о грозныхъ предсказаніяхъ Бояновскаго, въ которыхъ онъ не признался Маріи

Людвикъ. Стжембошъ, который только одинъ дослушалъ до конца дерзкія предсказанія, тоже никому о нихъ не пикнулъ.

Марія Людвика, насколько могла, настаивала, чтобы король самъ, сейчасъ-же сталъ во главѣ войска; между тѣмъ другіе, по назначеніи трехъ регентовъ: Фирлея, Ланцкоронскаго и Остророга, старались убѣдить короля и королеву, что на хлоповъ и казаковъ идти самому королю—это значило-бы уронить королевскій санъ.

Лѣнь Казимира охотно соглашалась съ этимъ аргументомъ, хотя королева возставала противъ него. Къ несчастью, на минуту, казалось, король и тѣ, которые его удерживали, были правы. Пришло извѣстіе, что казаковъ выгнали изъ Заславля, что каштелянъ краковскій Баръ замокъ и мѣстечко отнялъ, и наконецъ, каштелянъ Каменецкій нанесъ имъ значительное пораженіе. Въ доказательство привезли въ Варшаву хоругви, которыя Казимиръ немедленно отослалъ въ Червенскъ, приписывая все чудотворной помощи Божьей Матери, образу которой онъ такъ молился.

Такимъ образомъ, въ замкѣ варшавскомъ образовались двѣ партіи, попеременно бравшія верхъ; но Бутлеръ предсказывалъ, что въ концѣ концовъ королева побѣдитъ и, снрядивъ короля, отправить его на войну. Она сама, хоть и не совсѣмъ еще оправилась, постоянно твердила, что будетъ ему сопутствовать. Разрѣшеніе, полученное изъ Рима, не позволяло уже откладывать брака и на св. Троицу была назначена свадьба. Пронзошла также мгновенная перемѣна и въ самомъ королѣ, который старался теперь убѣдить себя, что онъ былъ счастливѣйшимъ смертнымъ; онъ сдѣлался чрезвычайно нѣжнымъ къ Маріи Людвикѣ — и даже Бутлеру поклялся, что бракъ этотъ былъ для него желаннымъ.

Итакъ, въ концѣ мая совершилось наконецъ предназначеніе обоихъ. Нунцій, который много содѣйствовалъ полученію разрѣшенія изъ Рима, и важнѣйшіе сенаторы были приглашены во дворецъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ, такъ какъ Янъ Казимиръ хотѣлъ здѣсь справлять свою свадьбу.

Марія Людвика на эти торжественные дни приняла болѣе радостный видъ, принуждала себя къ улыбкамъ и веселости, среди которыхъ однако часто проглядывали грусть и тайное

сомнѣніе. Чѣмъ ближе она узнавала своего мужа, тѣмъ сильнѣе чувствовала, что должна была больше всего полагаться на свою собственную силу и вліяніе.

Марія Людвика, послѣ нѣсколькихъ дней празднествъ, потребовала отъ короля собранія сенаторовъ для совѣщанія: самому-ли королю ѣхать на войну и объявить-ли всеобщее ополченіе. Вліяніемъ своимъ королева добилаь того, что высшую гетманскую власть вручили королю и единогласно упрасивали его самого идти на враговъ. Янъ Казиміръ, постоянно возбуждаемый ею, одушевленный рыцарскимъ духомъ, не противился ей и, пока былъ подъ ея вліяніемъ, съ жаромъ объявлялъ свою готовность двинуться на войну.

Всенародному ополченію многіе противились, не желая распространять паники и открывать всю опасность положенія. Все еще льстили себя надеждою, что хлопы, запуганные, будутъ усмирены. Удача нѣкоторыхъ отрядовъ на Волыни отчасти оправдывала сопротивление всенародному ополченію.

Знамень, отнятыхъ у разныхъ казацкихъ полковъ, навезли въ Варшаву столько, что король съ королевой сложили ихъ полсотни предъ алтаремъ Божьей Матери въ Червенскѣ.

Набожность эта однако не поколебала рѣшенія, чтобы король лично принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ. На этомъ настаивала королева и имѣла на своей сторонѣ всѣхъ, кто желалъ добра королю. Однимъ изъ такихъ повѣренныхъ, передъ которыми Марія Людвика не нуждалась скрываться со своими мыслями и побужденіями, былъ канцлеръ Радзивиллъ.

— Князь!— говорила она ему, — вы должны помочь мнѣ отправить короля на войну. Надъ нимъ тяготитъ несчастное прошлое: неудачи, легкомысліе, быть можетъ, и случайное; слава военная ему необходима. Я не сомнѣваюсь въ его мужествѣ и вполнѣ увѣрена, что разъ онъ выступитъ въ поле, онъ весь проникнется рыцарскимъ духомъ и всѣмъ сердцемъ будетъ исполнять свои обязанности.

— Государыня, — возразилъ Радзивиллъ, — дѣйствительно, намъ необходимо воодушевить короля и заставить его встать во главѣ; но, сохрани Богъ, чего я даже не допускаю, пораженіе...

— Ахъ, вѣтъ! нѣтъ! — быстро вскричала королева. — По-

бѣда несомнѣнна! Не годится даже ни на минуту сомнѣваться въ этомъ. Притомъ у короля будутъ самые способные совѣтники и большая сила въ видѣ отборнаго войска. Не слѣдуетъ отнимать у него славы, которая такъ ему необходима, чтобы возбудить уваженіе и довѣріе...

Такъ же какъ Радзивилла, королева склонила на свою сторону Оссолинскаго и другихъ, сумѣла даже распространить свое вліяніе на тѣхъ, которые окружали Казимира, не исключая и Бутлера, и заставить ихъ питать короля надеждами на побѣды и на славу.

Все это пошло лучше, чѣмъ того можно было ожидать. Все вокругъ Казимира принимало рыцарскую наружность, лязгъ и стукъ оружія раздавался даже въ передней.

Незначительныя побѣды, о которыхъ приходили извѣстія, вѣрныя или ложныя, очевидное покровительство небесъ, которое чувствовалъ надъ собой король, придавали ему еще болѣе охоты къ легкому, какъ ему казалось, приобрѣтенію лавровъ.

Пока это происходило въ Варшавѣ, лучшія силы Рѣчи Посполитой, съ истиннымъ геройствомъ, достойнымъ вѣчной славы, противились страшной силѣ, въ десять разъ многочисленнѣе ихъ, въ голодѣ и холодѣ, среди недостатка средствъ для защиты, среди постоянной боязни измѣны, которая пробивалась вездѣ и всюду.

Осада Збаража — это эпопея, увѣковѣчить которую не въ состояніи ни одно перо. Это геройство голодное, но веселое, это презрѣніе къ смерти, эти ежедневныя жертвы жизнью, и какъ хоръ вторація имъ поруганія черни, неистовствующей въ своей дикой силѣ, пьяной отъ побѣдъ и горѣлки.

Среди окоповъ Збаража стояли истые мученики за грѣхи народа, которые заслужили мученичeskій вѣнецъ. Въ Варшавѣ знали отъ тѣхъ, которымъ удалось вырваться изъ осажденнаго Збаража; какое отчаянное это было положеніе, какъ необходима была немедленная помощь, съ королемъ или безъ короля; но на самомъ дѣлѣ, никто здѣсь не могъ себѣ представить всего ужаса несчастнаго положенія войска, лишеннаго даже хлѣба. Только одна королева, которой необходимо было склонить мужа выступить въ походъ, передавала вѣсти и:

Збаража безъ всякой перемѣны; всѣ же остальные старались придать имъ другую окраску. Не вѣрили про татаръ, не хотѣли вѣрить 150,000 войску казаковъ, стоящему подъ окопами, за которыми имъ до сихъ поръ мужественно сопротивлялись 20,000 богатырей, пока наконецъ гонцы, возвѣстившіе приближеніе голода, недостатокъ пороха и пуль и окончательное изнуреніе бойцовъ, заставили ускорить выступленіе.

Объявили, что король собирается сначала въ Люблинъ, гдѣ должны были собраться обѣщанные полки. Янъ Казиміръ, казался, помолодѣлъ, былъ веселъ, самоувѣренъ и такъ убѣжденъ въ побѣдѣ, какъ никогда.

— Надо разъ навсегда положить конецъ этимъ неурядицамъ, — съ жаромъ говорилъ онъ — а съ Божьей помощью... Миѣ кажется, что насталъ часъ!

IX.

Съ пышной свитой, провожаемый королевой, благословляемый духовенствомъ, полный воодушевленія и бодрости, выступилъ король изъ Варшавы. Марія Людовика совершила почти чудо, что сумѣла сосредоточить мысли Казимира на одномъ предметѣ, не давая ему разочароваться. Все вокругъ него дышало теперь геройствомъ, битвой, богатырскимъ желаніемъ пролить кровь за вѣру и родину.

Но надо прибавить для объясненія этого жара, что война, которую собирались начать, изъ Варшавы и изъ Люблина казалась легкимъ походомъ, въ которомъ одно имя короля должно было разсѣять враговъ. Въ Люблинѣ болѣе страшныя извѣстія пророчили уже не такую легкую побѣду.

Въ одинъ вечеръ, какъ разъ въ ту минуту, когда король собирался молиться, ему доложили о прибытіи посла отъ региментарій изъ Збаража.

Это былъ многимъ хорошо извѣстный Стопковскій; но даже самые лучшіе друзья его не могли узнать въ ободранномъ, худомъ, съ глазами, свѣтящимися огнемъ отчаянія, призракъ солдата—своего сильнаго, молодого, веселаго товарища. Онъ

принесъ письма отъ вождей, заключенныхъ въ окопахъ, но лицо его было самымъ краснорѣчивымъ письмомъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что перенесло войско.

Пока король, блѣднѣя, читалъ письмо, Стопковскаго забрасывали вопросами, на которые онъ неохотно отвѣчалъ.

Что мнѣ вамъ рассказывать, — ворчалъ онъ, — смотрите на меня, такіе тамъ всѣ. Ужъ мы съ голоду лошадей, собакъ и мышей поѣли. Не знаю, скоро-ли намъ самимъ себя пожирать придется.

Его посадили за столъ, стараясь ободрить надеждою, но несчастный слишкомъ много выстрадалъ, а еще того больше видѣлъ, чтобы кровавое воспоминаніе такъ легко могло изгладиться.

— Не спрашивайте меня, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — потому что, если вы не можете сейчасъ же броситься на помощь угнетенной вашей братіи, сердце разорвется у васъ на части, слушая, что мы тамъ выстрадали и перенесли. Только чудесамъ мужества и бодрости обязаны мы тѣмъ, что мы не попали на бойню къ этой кровожадной черни. Подъ Збаражъ спѣшите, ради Бога! пока еще есть время.

Письма, которыя привезъ Стопковскій, говорили то же самое; король такъ былъ взволнованъ, что хотѣлъ сейчасъ же отправляться дальше, но тутъ подскочили сенаторы, крича, что короля не слѣдуетъ подвергать опасности, пока они не соберутъ достаточныхъ силъ, потому что уже третьи грамоты, призывающія къ всенародному ополченію, были разосланы, а шляхта собиралась такъ медленно и вяло, что тамъ, гдѣ рассчитывали на тысячи, не могли досчитаться и сотенъ.

Король пылалъ нетерпѣніемъ, но не съ кѣмъ было идти.

Съ той силой, какую король имѣлъ, онъ долженъ былъ подвигаться далѣе, а прибытіе злосчастнаго посла изъ-подъ Збаража было для вождей необходимымъ предостереженіемъ, чтобы они шли съ чрезвычайной осторожностью.

Рассказъ Стопковскаго сильно подѣйствовалъ на короля и на минуту совершенно измѣнилъ его. Героизмъ осажденныхъ, къ которымъ нужно бы спѣшить на помощь, собственное достоинство и безопасность, сдѣлали его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ ни днемъ, ни ночью не давалъ покоя стражѣ и караулу, не ло-

жился спать, не раздѣвался, давалъ приказанія и отмѣнялъ, позволялъ разслѣдывать лошадей и, прилегши на минутку въ палатѣ, сейчасъ-же вскакивалъ и билъ тревогу. Приказавъ зажечь факелы, объѣзжалъ войско и подъѣзжалъ къ постамъ, чтобы видѣть ихъ своими глазами. Такое необыкновенное усердіе должно было и въ другихъ возбудить мужество и бодрость. Сейчасъ же другой духъ повѣялъ на войско.

Чего никто не могъ ожидать—Сапѣга и другіе болѣе опытные вожди должны были удерживать короля, все оглядываясь—не нагрянетъ-ли дружище народное ополченіе.

Хуже всего было то, что съ этой поспѣшностью не было времени разузнать, поразвѣдать, не поджидаетъ ли ихъ гдѣ-нибудь на дорогѣ непріятель, что предсказывалъ Стопковскій, держа одинъ противъ всѣхъ, что татары ударятъ на нихъ.

Множество русиновъ, сердце которыхъ билось сочувственно къ Хмѣлю, служило подъ знаменами короля и его пановъ, а никто не догадывался объ этихъ измѣнникахъ и не подозрѣвалъ ихъ. Они бѣжали почти каждый день, возвращались назадъ, нарочно приносили ложныя свѣдѣнія. Стопковскій, который уже наслушался и насмотрѣлся въ Збаражѣ на всякаго рода низости и подлости, предостерегалъ, но напрасно.

Какъ же можно было бояться челоуѣка, который еще вчера, щедро одаренный, покорный, цѣловалъ королевскую руку, падалъ на землю, клялся въ любви, а въ ту-же самую ночь, схвативъ наилучшаго скакуна, мчался отыскивать казавовъ, чтобы имъ служить.

Король шелъ довольно осторожно отъ Замостья подъ Зборовъ; здѣсь уже пепелища по дорогѣ и бѣглые изъ татарскаго плѣна свидѣтельствовали о томъ, что орда помогаетъ казакамъ. Но никто не зналъ ни числа ея, ни ея мѣстопробыванія, тогда какъ татарскій ханъ взялъ въ плѣнъ уже Пелку, хорунжаго острожскаго полка, и другихъ и разными мученіями заставлялъ ихъ рассказывать все, что они знали, о войскѣ и королѣ.

Несмотря на всю свою осторожность, король зналъ изъ-подъ Збараша только то, что принесли ему письма Стопковскаго, а о татарахъ и о силѣ ихъ ровно ничего, тогда какъ хитрый Хмѣль сосчиталъ полки и силы непріятелей и указалъ татарамъ, гдѣ имъ искать польскаго короля и лагерь. Онъ

самъ съ отрядомъ своихъ казаковъ поджидалъ ихъ у переправы. Тутъ только открылись глаза у тѣхъ, которые до сихъ поръ не имѣли дѣла съ казаками и ихъ хитростью, которые съ такимъ пренебреженіемъ относились къ нимъ, которые смѣялись, когда въ Варшавѣ рассказывали, что Хмѣль имѣетъ своихъ и въ Венеціи, и Ватиканѣ, и на королевскомъ дворѣ, — и поняли они, что непріятель этотъ гораздо страшнѣе, чѣмъ казался...

Прежде чѣмъ узнали что нибудь о татарахъ, уже Корицкій, который былъ у переправы черезъ р. Сутрыпу съ острожскимъ полкомъ (тѣмъ самымъ, который въ Топоровѣ потерялъ Пелку и Жолковского), уже столкнулся съ ними, и хотя у него была маленькая горсть противъ цѣлой Орды, ему удалось немного задержать ее. Татары съ другой стороны напали на возы, при которыхъ никого не было, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, да и тѣ разбѣжались; дорога загородилась возами, и суматоха поднялась страшная. Счастье еще, что въ свитѣ короля не потеряли головъ и имѣли храбости больше, чѣмъ счастья.

Надо было какъ можно скорѣе защищать возы и мосты на Стрыпѣ. Туда подскочилъ Витовскій со своими и рѣшилъ стоять стѣной, пока не дождутся войска и короля. Къ нему присоединился Оссолинскій, староста стобницкій и пять отрядовъ русскаго воеводства. Они не только сдержали напоръ, но даже отразили татаръ. Это продолжалось однако недолго, хотя Сапѣга подоспѣлъ съ поддержкой, съ семью хоругвями. Орда въ десять разъ многочисленнѣе заливала все вокругъ... отъ нея чернѣлось, какъ отъ муравьевъ и громъ битвы заглушалъ звонъ колоколовъ въ костелѣ.

Правда, дурнымъ предзнаменованіемъ была эта переправа, когда на самомъ вступленіи пали самые мужественные защитники, стараясь удержать дикую орду, пока не переправится король. Первымъ палъ Витовскій, который потащилъ за собой другихъ, съ нимъ рядомъ подполковникъ Залускій, а храброго Сапѣгу, подъ которымъ убили коня, вынесли на рукахъ. Больше всѣхъ король жалѣлъ Балдуина Оссолинскаго, племянника канцлера, который, казалось, явился въ королевской свитѣ только для того, чтобы ему устроили похороны, молодого Тыш-

дѣвица, и много, много другихъ изъ самой дѣльной русской плехты. Невозможно было утѣшиться даже тѣмъ, что такими жертвами куплена побѣда. Войску вздохнуть некогда было, сейчасъ-же надо было окопаться, насыпать валъ, а великая сила Орды, въ которую вчера еще не вѣрили, сегодня давала себя чувствовать.

Поздно вечеромъ, когда въ избу, гдѣ помѣщался король, вошли: Оссолинскій, оплакивавшій племянника, Станиславъ Потоцкій, Георгій Любомірскій, покрытый пылью и забрызганный кровью, спасенный Сапѣга и съ ними лучшіе герои въ войнѣ, у всѣхъ не хватало словъ на восхваленіе мужества, съ какимъ сражалось все войско, и кромѣ стражи, которая на минуту отбѣжала отъ воевъ, не было человѣка, который-бы не выстоялъ до конца подъ градомъ стрѣлъ и напоромъ татаръ.

— Государь, — проговорилъ молодой Собѣскій, староста яворовскій: — это день великой славы для польскаго оружія, потому что захваченные врасплохъ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, въ самой не удобной позиціи, мы, дѣйствительно, показали чудо, отразивъ враговъ. Довольно намъ одного Ковальскаго, чтобы сохранить въ памяти этотъ день.

— Какого Ковальскаго? — спросилъ король.

— Хорунжаго земли Львовской, — прибавилъ Собѣскій. — Татаринъ схватилъ его въ правую руку, которой онъ держалъ знамя: онъ схватилъ его въ лѣвую, прижимая къ груди, а когда и эту ему отрубили, онъ самъ легъ на знамя и защитилъ его.

— А Ржецицкій, староста Уржендовскій — проговорилъ кастелянъ брацлавскій, — я самъ видѣлъ, какъ онъ бросился въ толпу съ тремя знаменами, гдѣ его и убили.

— Ржецицкаго тѣмъ болѣе жаль, — прибавилъ Собѣскій, — что мы нуждаемся въ переводчикахъ, когда намъ удастся достать языка, а онъ отлично говорилъ по-турецки, арабски, персидски и по-татарски...

— У меня убили у воевъ моего Чернецкаго, — вздохнулъ король.

— Невозможно перечестъ наши потери, — прибавилъ канцлеръ Оссолинскій. — Мы шли осторожно, высылая аванпосты, стараясь развѣдать о непріятеляхъ: ничто не помогло.

Янъ Казиміръ все еще не хотѣлъ вѣрить въ великую силу Орды, но ежеминутно доставляемыя вѣсти подтверждали это. Оссолинскій и Георгій Любомірскій, да и вообще всѣ единогласно совѣтовали величайшую осторожность.

— Легко понять, — сказалъ канцлеръ, — что Хмѣльницкій наслалъ эту татарскую орду, чтобы помѣшать намъ идти на помощь Збаражу. Мы должны отбиться отъ татаръ и разбить ихъ. Не въ ихъ обычаѣ стоять долго.

— Дай Богъ, чтобы мы побѣдили ихъ, — возразилъ молодой Собѣскій, — но надо опасаться, какъ-бы ихъ не оказалось здѣсь такое огромное число, съ которымъ мы не справимся даже при всемъ нашемъ мужествѣ.

Всю эту ночь въ лагерѣ никто не сомкнулъ глазъ.

Тутъ шло дѣло о войскѣ и о безопасности самого короля, который обѣщалъ большое мужество, но часто проявлялъ и неосмотрительность и неопытность. Поэтому вожди выбрали шесть самыхъ дѣльныхъ юношей, которые должны были ни на шагъ не отступать отъ короля. Изъ нихъ Казиміръ въ послѣдствіи оставилъ при себѣ только двоихъ: Ендржеевскаго и Сладковскаго, чувствуя себя безопаснымъ среди войскъ и держась постоянно въ главномъ корпусѣ Гувальда, гдѣ была нѣмецкая пѣхота и гусарскія знамена.

Во всѣ стороны разослали аванпосты. Кругомъ лежали татары. Дубовая роща, кустарникъ и холмы кишѣли ими.

Королю придавали мужества и бодрости, но вожди, между собою, собравшись на совѣтъ у Оссолинскаго, должны были сознаться, что здѣсь, чего добраго, готовится второй Збаражъ, если не удастся въ скоромъ времени пробиться черезъ татаръ и разбить ихъ.

— Если-бы Орда была одна, — сказалъ Оссолинскій; — хоть бы ее вдвое больше налегло на насъ, мы бы не боялись; но намъ приходится имѣть дѣло не съ татарами, а съ Хмѣлемъ, свидимая рука котораго чувствуется здѣсь повсюду. Онъ считалъ насъ раньше, чѣмъ мы себя, онъ наслалъ ихъ на насъ, самъ стоитъ подъ Збаражемъ.

— Святая правда, панъ канцлеръ, — замѣтилъ молодой Собѣскій. — Мы пали жертвой его хитрости; даже и не желая въ

него вѣрить, пора сознаться и убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло со врагомъ серьезнымъ...

— Намъ-бы тоже слѣдовало пустить въ ходъ хитрость, — прибавилъ Собѣскій: — но мы такъ мало на это способны и притомъ слишкомъ благородны; пасть такъ, какъ Ковальскій — это наше дѣло, а перехитрить непріятеля...

— Правда, — тихо сказалъ Оссолинскій: — въ такомъ крайнемъ случаѣ мы должны прибѣгнуть къ хитрости, но я не вижу, какъ мы можемъ воспользоваться ею?

Собѣскій съ минутою думалъ.

— Съ казаками эта хитрость не удалась-бы, — сказалъ онъ, — а съ татарами, которые нѣкогда служили Рѣчи-Посполитой и брали отъ нея подарки — и не такъ хитры, какъ казаки — отчего бы и не попробовать?

— Если-бы у насъ былъ хоть Ржечицкій, который могъ-бы разговориться съ татарами, — вмѣшался Оссолинскій: — но и этого отняла у насъ злая судьба.

— Не хвастаясь, — отвѣчалъ староста Яворовскій, — можетъ быть, я могъ-бы его замѣнить?

— Вы? — спросилъ Оссолинскій.

Собѣскій поклонился.

— Мы можемъ попробовать разбить ихъ, — проговорилъ староста: — посчастливится намъ завтра — тѣмъ лучше, если мы не прогонимъ ихъ — попробуемъ ихъ купить.

Канцлеръ на минуту задумался.

— Это такая мысль, которой нельзя пренебречь въ нашемъ положеніи, — медленно сказалъ онъ. — Оставьте ее при себѣ. Кто знаетъ? она, можетъ быть, спасительна.

— Не выдавая ея, — прибавилъ Собѣскій, — на всякій случай слѣдовало-бы кое-что приготовить. Не можетъ быть, чтобы у насъ не было раненыхъ и захваченныхъ въ битвѣ татарскихъ плѣнныхъ. Я выбралъ-бы изъ нихъ одного для языка, и ужъ конечно зналъ-бы, что и какъ съ нимъ говорить. Потомъ-бы его пустить, какъ-бы нечаянно, чтобы онъ разнесъ среди своихъ то, что надо.

Оссолинскій считалъ положеніе такимъ опаснымъ и отчаяннымъ, что совѣтъ Собѣскаго, на видъ дерзкій и забавный, не показался ему ни смѣшнымъ, ни глупымъ.

— Дѣлайте, что вамъ покажется полезнымъ, — сказалъ онъ: — но на свою отвѣтственность. Пробуйте. Я не ожидаю многого, но надо пробовать все, когда дѣло идетъ не только о жизни, но и о чести нашей и короля. Вотъ до чего мы дошли за грѣхи наши! — пробормоталъ канцлеръ, ломая руки.

Молодой Собѣскій вышелъ изъ избы.

Душой и тѣломъ солдатъ, онъ зналъ уже войско, людей, начальниковъ, расположеніе лагеря и палатокъ — такъ что ночь нисколько не помѣшала ему тотчасъ же отправиться въ окопы. По дорогѣ онъ спрашивалъ: нѣтъ-ли гдѣ-нибудь татарскихъ плѣнныхъ и не слышалъ-ли кто нибудь о самомъ знатномъ изъ нихъ?

Тутъ подвернулся ему Стжембошъ, который и ради собственного любопытства, и для короля вездѣ все разузнавалъ и развѣдывалъ.

— Есть связанные татары, — отвѣчалъ Дызма: — ихъ бросили въ кучу посрединѣ, чтобы не разбѣжались, а то эти дикари зубами разгрызутъ веревки, ползкомъ, какъ червяки, расползутся во все стороны. Да не стоило-бы ихъ и оставлять-то, а на мѣстѣ отрубать имъ головы.

— Веди меня, — сказалъ Собѣскій.

Въ лагерѣ все двигалось, какъ днемъ, такъ что легко было разспрашивать о дорогѣ. Плѣнные не въ палаткѣ, а прямо на землѣ, въ лужѣ, были свалены въ кучу и связаны другъ съ другомъ. Уже издали давала объ нихъ знать вонь тулуповъ и тѣлъ. При свѣтѣ зажженного факела, Собѣскій могъ, проходя возлѣ этой кучи, убѣдиться, что многіе плѣнные, тяжело раненные, сдѣлались уже трупами. Несмотря на то, что около нихъ стояли лужи крови, не слышно было никакого голоса и стога, а только храпъ и тяжелое дыханіе умирающихъ. Съ краю замѣтилъ Собѣскій мужчину сильнаго тѣлосложенія, съ благороднымъ лицомъ, одежда котораго показывала, что онъ былъ если и не царемъ, то какой-нибудь мурза. Онъ наклонился къ нему и прошепталъ что-то по татарски. Плѣнный вытаращилъ черные глаза, полные злобы и ненависти, ничего не отвѣтилъ и отвернулся. Собѣскій приказалъ отвязать его отъ кучи и, не развязывая рукъ, вести за нимъ въ палатку. Стжембошъ шелъ за нимъ изъ любопытства. Прибывъ въ палатку, староста Яво-

ровскій прежде всего приказалъ дать плѣннику воды. Долго смотрѣлъ на нее татаринъ съ жадностью, какъ бы колеблясь, принять ли ее, но жажда томила его, наконецъ схватилъ и опорожнилъ цѣлый кубокъ. Собѣскій началъ что-то говорить. Стжембошъ, который по-татарски не понималъ ни одного слова, только глазами могъ объяснять себѣ то впечатлѣніе, какое производилъ молодой полякъ на татарина. Долго хранилъ онъ гордое молчаніе, наконецъ что-то донекло его, у него вырвалось одно слово. Собѣскій подхватилъ его; у татарина развязался языкъ, глаза заискрились—съ обѣихъ сторонъ посыпались вопросы и отвѣты. Наконецъ татаринъ, въ изнуреніи, упалъ на землю и снова замолчалъ. Староста говорилъ еще долго, потомъ позвалъ двоихъ изъ своей прислуги и старшаго слугу, указалъ на татарина и приказалъ отвести его обратно къ остальнымъ плѣнникамъ.

Только еще начинало свѣтать, когда король уже объѣзжалъ на конѣ свои строящіеся отряды, въ сильномъ безпокойствѣ. Старые вояки знали татаръ, что для болѣе удобнаго стрѣлянья изъ лука они всегда нападали прежде всего на лѣвый флангъ. Здѣсь поставили Любомірскаго, который приготовился мужественно дать имъ отпоръ. Вѣтеръ, поднявшійся съ восходомъ солнца, явился на помощь полякамъ, потому что отъ королевскаго лагеря дулъ татарамъ въ глаза, что ослабляло силу ихъ стрѣлъ и относилъ въ сторону. Королю лихорадочное состояніе, изъ котораго онъ не выходилъ весь день наканунѣ, придавало бодрости и рыцарскаго духа, хотя видъ татарскихъ полчищъ, надъ которыми развѣвались въ воздухѣ три зеленыхъ бунчука Гирея, и увѣренность, что за ними стояли казаки, ожидая перваго знака,—все это дѣлало побѣду сомнительной.

Около полудня король со своей свитой и отрядомъ стражи все еще объѣзжалъ ряды войска. Какъ и предвидѣли, первому пришлось столкнуться съ татарами на лѣвомъ крылѣ стоявшему Любомірскому, и тутъ такъ слились сражающіяся стороны, почти въ одно тѣло, что нельзя было различить рядовъ. Стоя на маленькомъ возвышеніи, смотрѣлъ на все это король; вдругъ у него потемнѣло въ глазахъ: татары опрокинули первые ряды, которые побѣжали въ разсыпную. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда Пузовскій прибѣжалъ отъ Любомірскаго, умоляя о спасеніи и о помощи, и мольба его была очень краснорѣчива,

ибо у него самого была прострѣлена губа, ротъ полонъ крови и стрѣла еще торчала въ устахъ.

Тогда немедленно пошли на встрѣчу убѣгавшимъ нѣмецкая пѣхота съ Гувальдомъ, но Янъ Казимиръ и самъ бросился съ нимъ, забывая всякую опасность. Въ этотъ часъ рыцарская кровь откликнулась въ немъ и заговорила. Выбѣжавъ на встрѣчу бѣжавшимъ, онъ началъ бить саблей, у другихъ схватывалъ подъ уздцы лошадей и указывалъ на пріятеля. Голосъ и видъ разгнѣваннаго короля пристыдилъ и удержалъ трусовъ, а тутъ и нѣмецкая пѣхота сыпнула градомъ пуль: татары не могли устоять, смѣшались и побѣжали.

Когда первое нападеніе было отбито и Орда разбѣжалась, стали считать потери, но онѣ были невелики, войско также не было напугано, но всѣ чувствовали, что побѣдой также нельзя было похвастаться и что, если-бы татары направили на королевское войско всю свою силу, оно навѣрное должно было бы отступить. Мысли этой никто не высказалъ: напротивъ того, ободряли другъ друга, рассказывали разные случаи, эпизоды сраженія, вынимали изъ кафтановъ обломки стрѣлъ, но въ душѣ не было спокойствія—король и теперь не хотѣлъ отдохнуть. Онъ, какъ вождь, перечувствовалъ въ этотъ часъ все, что бродило въ мысляхъ толпы.

Ночь спустилась пасмурная, черная; солдаты, видя мрачныя угрюмыя лица начальниковъ, стражу, которой такъ заботливо окружили лагерь, начинали беспокоиться. Въ такой толпѣ довольно одного слова, чтобы поднять пожаръ. Головы были ошеломлены битвой и зноємъ, быть можетъ и питьемъ, кто-то, проходя мимо королевскихъ возовъ, замѣтилъ, что на нихъ укрѣпляли веревки. Другому показалось, что онъ видѣлъ лошадей, которыхъ собирались запрягать въ королевскіе возы; третьему показалось, что снимаютъ палатки. Этого было довольно, чтобы по войску съ быстротою молніи пронеслась мысль: «Паны готовятся къ бѣгству. Король уходитъ, а насъ отдастъ на убой татарамъ!»

Никто не провѣрялъ, никто не сомнѣвался, что на самомъ дѣлѣ, какъ это было подъ Пилавцами, важныя особы хотѣли спастись, чтобы не попасть въ плѣнъ; поэтому отъ палатки до палатки передавались шопотъ и тревога, бѣготня, крики и суматоха.

Стжембошъ, возвращавшійся въ королевскую избу, хотя и разсмѣялся въ глаза и разобралъ двухъ трехъ, попавшихся ему по дорогѣ, но сообразилъ, что объ этомъ надо было дать знать королю. У самыхъ дверей онъ столкнулся съ Тетишевскимъ и Тышкевичемъ, наперебой спѣшившими съ тѣми же извѣстіями.

Король только собрался совершать вечернюю молитву съ ксендзомъ Лисецкимъ, іезуитомъ, своимъ капелланомъ, когда въ комнату безъ всякаго доклада ворвались Тетишевскій, Тышкевичъ и Стжембошъ.

— Государь, — вскричалъ Тышкевичъ, — невозможно терять ни минуты, надо предотвратить великое смятеніе, а быть можетъ и позоръ. Въ лагерь распространились слухи, что начальники и король собираются ночью уйти.. всѣ тоже хотятъ спастись. Вездѣ невыразимая тревога и смятеніе.

— Что же мнѣ дѣлать? — спросилъ король.

Мужественный капелланъ ксендзъ Лисецкій, которому суждено было поплатиться жизнью за свою храбрость, крикнулъ Стжембошу:

— Коня для государя. Факеловъ! Поѣдемъ по всему лагерю! Пусть всѣ видятъ лицо государя, пусть убѣдятся, что здѣсь всѣ готовы отдать свою жизнь, а никто и не думаетъ спастись.

Янъ Казиміръ, который весь этотъ день былъ особенно одушевленъ рыцарскимъ духомъ и питалъ большое довѣріе къ своему капеллану, тотчасъ же началъ кричать вслѣдъ за нимъ.

— Коня! факеловъ!

Тышкевичъ бѣжалъ къ Любомірскому, ксендзъ Тетишевскій къ канцлеру, чтобы и они сопровождали короля. Но Янъ Казиміръ вовсе не думалъ ихъ ждать. Надѣвъ на себя шашку, онъ вышелъ съ ксендзомъ Лисецкимъ на порогъ.

— Живѣй, коня!..

Ему подвели. Стжембошъ, боясь ночи и жара, съ какимъ король бросился объѣзжать полки, схватилъ его подъ уздцы. Пажъ прибѣжалъ съ зажженнымъ факеломъ.

— По порядку, по всѣмъ полкамъ! по порядку! — началъ кричать Янъ Казиміръ.

Едва король вѣхалъ въ середину лагеря, какъ воочію

могъ уже убѣдиться, что донесеніе не было ложно. Между шалашами и палатками стояли кучки, кричавшія: „король и паны бѣгутъ!“ Перваго, который попался ему навстрѣчу и не видѣлъ его король ударилъ шпагой по плечу.

— Король,—вскричалъ онъ,—вотъ я! вашъ король! Смотрите, клянусь вамъ, что я и не думаю уходить, я готовъ погибнуть съ вами! Что съ вами сдѣлалось? Вы сбѣсились! Шляхта—хотите бросить короля, солдаты—своего гетмана. Сегодня Богъ оказалъ намъ свою милость въ опасности, а завтра я надѣюсь на побѣду. Неужели изъ-за вашей трусости и подлости мы потеряемъ то, что приобрѣли! Зачѣмъ же вы шли и начинали, если у васъ не хватитъ духа до конца? Я здѣсь останусь, хотя бы и одинъ, но до конца, а придется положить голову—я не дрогну.

Сейчасъ же за королемъ подхватилъ Лисецкій, воодушевленный мужествомъ, доказательства котораго онъ давалъ на каждомъ шагу:

— Стыдъ и срамъ вѣчный намъ и имени нашему, если вы испугаетесь этихъ дикарей.

Молча разступились смущенные солдаты, а нѣкоторые изъ нихъ стали оправдываться, но некогда было ихъ слушать; король помчался далѣе, повторяя то же самое. Онъ появлялся среди толпы и кричалъ во весь голосъ «вотъ я!.. вотъ, стою и не ухожу».

Во время этого объѣзда, который поднялъ на ноги весь лагерь и прискакалъ Оссолинскій.

— Я только что получилъ извѣстіе, что намъ на помощь идутъ весьма значительныя силы; завтра они, быть можетъ, уже соединятся съ нами.

Собѣскій, который тоже былъ уже на конѣ, не колебась, прибавилъ:

— Татары готовы бросить казаковъ! Все складывается какъ нельзя лучше. Осажденные Збаражцы мужественно защищаются и произвели большую рѣзню.

Все это такъ мгновенно остановило распространявшееся смятеніе, что нѣсколько человѣкъ, которые были уже на лошадяхъ и собирались удирать, живо псвернули, прячась, чтобы ихъ не замѣтили.

Умы успокоились. Король же не хотѣлъ возвращаться къ своимъ, пока не объѣхалъ весь лагерь до конца. Уже начинало свѣтать, когда онъ вернулся къ своей свитѣ съ Лисецкимъ, который собирался служить обѣдню. Не было уже времени для отдыха, да никто объ этомъ и не думалъ. Сильное воодушевление овладѣло именно тѣми, которые вчера обнаружили такой страхъ.

Когда король послѣ обѣдни вышелъ на порогъ, онъ нашелъ весь дворъ наполненнымъ ротмистрами, начальниками, требующими приказаній. Всѣ клялись, что готовы сражаться до послѣдней капли крови.

Затѣмъ войска начали строить такъ же, какъ вчера. Въ тылу за лагеремъ находилось мѣстечко, а лагерные валы доходили до русской церкви, которую еще вчера отняли и укрѣпили казаки. Татары съ этой стороны напасть не осмѣливались, потому что она была сильно укрѣплена.

Былъ уже день, когда казаки бросились на лѣвый флангъ и вмѣстѣ съ ними два татарскихъ царька — на правый, которымъ начальствовалъ Оссолинскій. Жестокій и бѣшеный закипѣлъ бой, въ которомъ принимали участіе и мѣщанство, звоня въ колокола и сжигая по дорогѣ солому. Они вели знакомыми тропинками отряды казаковъ. Загремѣли пушки.

Королю припала на память обѣщанная помощь, которая все еще не приходила.

— Стжембошъ! — обратился онъ къ стоящему возлѣ него юношѣ, пылавшему желаніемъ броситься въ бой. — Хочешь мнѣ услужить, попробуй... иди къ возамъ... тамъ цѣлая куча разной прислуги, которая стоитъ сложа руки. Ободри ихъ, воодушеви, собери въ кучу, пусть они схватятъ запасное оружіе, какой-нибудь лоскутокъ отъ палатки на жерди будетъ служить знаменемъ... Когда они увидятъ новыя силы, они, быть можетъ, отступятъ.

На лету понявъ Дызма королевское приказаніе: прищорилъ коня и помчался къ лагерю. Одному Богу извѣстно, какіе онъ тамъ употреблялъ аргументы, но меньше чѣмъ въ полчаса, нѣкій Забускій, старый солдатъ, который присоединился къ Стжембошу, велъ уже подъ полотняными знаменами изъ ска-терти войско, составленное изъ прислуги, которое шло въ

битву съ такой яростью, какъ будто желало пристыдить своихъ господъ. Забускій съ этой толпой бросился въ мѣстечко на казаковъ и первымъ натискомъ выбилъ ихъ изъ него въ поле, но когда они увлеклись и зашли слишкомъ далеко, казаки осмотрѣлись, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и начали ужасно сѣчь и рубить. Только драгуны Плесницкаго, старосты опочинскаго, примчавшіеся на помощь, спасли остальныхъ, Стежамбошъ, который вмѣстѣ съ Забускимъ велъ прислугу, только уже въ полѣ замѣтилъ, что ксендзъ Лисецкій, который съ крестомъ въ рукѣ и на конѣ больше всего воодушевлялъ ихъ, сначала слегка раненый, а затѣмъ пораженный второй и третьей пулей, палъ на полѣ битвы. Дызма подскочилъ къ нему, чтобы спасти изъ подъ лошади, но когда онъ нагнулся надъ нимъ, то слышалъ только изъ окровавленныхъ устъ послѣдній вздохъ.

— Исусъ — Марія — Иосифъ.

Подъ конецъ дня, всѣ удержались на своихъ мѣстахъ, но потери были громадныя. Правда, татары ушли, казаки спрятались. На видъ побѣда осталась за королемъ, но очи вождей видѣли уже, что послѣ нѣсколькихъ такихъ побѣдъ уже невозможно будетъ устоять противъ напора дикой силы.

Когда подъ вечеръ начали считать павшихъ, королю пришлось оплакивать не только своего любимаго напеллана, но и около 2000 лучшаго воинства, ротмистровъ и рядовыхъ своихъ 47 отрядовъ... Взяли въ плѣнъ одного татарскаго мурзу и много черни, но ихъ не оставили въ живыхъ...

Настала ночь, король совершилъ благодарственные молитвы, въ лагерѣ довольно оживленно и бодро разговаривали объ оконченномъ днѣ, осматривая раны. Это было одно изъ тѣхъ сраженій безъ славы, безъ видимыхъ результатовъ, которое требовало гораздо больше усилія, мужества, жертвъ, чѣмъ многія блестящія побѣды. Оссоллинскій, взвѣсивъ все, вчерашнюю мысль Собѣскаго присвоилъ себѣ...

Онъ вошелъ въ избу короля съ нахмуреннымъ челомъ.

— Возблагодаримъ Бога! — встрѣтилъ его Янъ Казиміръ — помощь должна придти.

— Государь, — сказалъ канцлеръ, — я не теряю надежды, но если можно сберечь благородную кровь, то слѣдуетъ попробовать.

— Мы не должны обольщать себя пустыми надеждами: дер-

жаться мы будемъ, но не отобьемъ нашихъ Збаражскихъ героевъ и наконецъ сами, изнуренные,—кто знаетъ, — устоимъ ли противъ новыхъ татарскихъ полчищъ, которыя могутъ явиться имъ на помощь.

Король скрестилъ руки.

— Въ Богъ-Заступникъ наша надежда!..— воскликнулъ онъ.

— Я думаю,—прибавилъ Оссолинскій,—что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ попробовать, не удастся ли какимъ-нибудь чудомъ отнять у нихъ татаръ. Этихъ надо купить.

— Какъ?—спросилъ король.

— Я вышлю татарскаго плѣнника съ письмомъ къ Исламъ Гирею. Спрошу его: зачѣмъ онъ, союзникъ Рѣчи Посполитой, нарушилъ свою клятву и соединился съ нашими врагами. Я имѣю какое-то предчувствіе, что такимъ образомъ намъ удастся спастись. На всенародное ополченіе, увы, рассчитывать трудно. Казаки, предоставленные самимъ себѣ, не будутъ въ состояніи противостоять Збаражу и намъ... Послать мнѣ письмо?—спросилъ канцлеръ.

— Неужели надо до дна испить чашу униженія?—возразилъ король.

— Вопросъ не будетъ унизителенъ, мы ни о чемъ ихъ не просимъ... Татары понесли пораженіе, добычи наши не много, мы отдадимъ имъ хоть послѣдній грошъ, лишь бы только отвлечь ихъ отъ казаковъ.

Король задумался.

— Мы не выпустимъ изъ рукъ оружія,—прибавилъ Оссолинскій,—но если кровь можно купить золотомъ?

— Я боюсь, что это обращеніе къ татарамъ будетъ пятномъ и грѣхомъ на моей совѣсти,—медленно проговорилъ онъ,—но щадить дорогую кровь—это наша обязанность, а сломить казаковъ для насъ необходимо. Дѣлай, какъ внушитъ Богъ! Вдохнулъ Янъ Казиміръ.—Не хочетъ Богъ благословить мое оружіе—грустно прошепталъ онъ. Да будетъ его святая воля!